

ԵՐԵՎԱԵ ՍՈՒՆԻ ԿՈՆՍՊԵՐԱՏՈՒՄԻ ԿՈՆԿՐԵՏԻ ՎԵՐԱԿԱՆՈՒՄԸ

РУСКА АКАДЕМИЈА НАУКА
Институт за светску књижевност «А.М. Горки»

СРПБИ ПЕСНИЦИ XX ВЕКА

Антологија са коментарима

Састављач и уредник – А.Б. Базилевски

Аутори есеја:

А.Б. Базилевски
М.Л. Карасјова

BAHAZAP

2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

СРЕДНЕ ПОЭТЫ XX ВЕКА

Комментированная антология

Редактор-составитель – А.Б. Базилевский

Авторы очерков:

А.Б. Базилевский
М.Л. Карасёва

 ЭТЕРНА

2011

УДК 82-1.163.41
ББК 84 (4Югo)-5
С32

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 11-04-16086д*

Перевод с сербского

Редактор-составитель *А. Б. Базилевский*

Предисловие и очерки
А. Б. Базилевского, М. А. Карасёвой

Рецензенты:
С. А. Небольсин, Й. Я. Станишич

С32 Сербские поэты XX века: Комментированная антология / Перевод с сербского; Ред.-сост. А. Б. Базилевский; Предисл. и очерки А. Б. Базилевского, М. А. Карасёвой. М.: Этерна; Вахазар, 2011. 1104 с. — (Инст. мировой лит-ры им. А. М. Горького РАН). [Парал. стихотв. текст на серб. и рус. яз.]

ISBN 978-5-480-00255-3 («Этерна»)

ISBN 978-5-88190-058-8 («Вахазар»)

Комплексное филологическое исследование, включающее историко-литературное введение, аналитические очерки, художественные тексты и справочно-библиографический аппарат. В антологии представлена развёрнутая панорама сербской поэзии XX века, широкий спектр её важнейших явлений. Серия статей-портретов крупнейших авторов в сочетании с их произведениями даёт связную картину развития национальной поэзии в эпоху интегрирующего синтеза. В книгу вошли — на языке оригинала и в русском переводе — наиболее значимые тексты, созданные на всём протяжении творческого пути поэтов. Свод научной и художественной информации, адресованный специалистам и широкому кругу читателей.

© Авторы текстов, 1860–2010
© Авторы переводов, 1906–2011
© А. Б. Базилевский, составление,
статьи, 2011
© М. А. Карасёва, статьи, 2011
© Издательство «Вахазар», 2011
© Издательство «Этерна»,
оформление, 2011

ISBN 978-5-480-00255-3 («Этерна»)

ISBN 978-5-88190-058-8 («Вахазар»)

Содержание

<i>От редактора</i>	7
<i>Предисловие</i>	9
Лаза Костич. Лаза Костић	22
Воислав Илич. Војислав Илић	50
Алекса Шантич. Алекса Шантић	78
Милета Јакшич. Милета Јакшић	106
Јован Дучич. Јован Дучић	134
Светислав Стефанович. Светислав Стефановић	162
Милан Ракич. Милан Ракић	188
Владислав Петкович-Дис. Владислав Петковић Дис	214
Сима Пандурович. Сима Пандуровић	242
Вељко Петрович. Вељко Петровић	270
Станислав Винавер. Станислав Винавер	294
Милутин Боич. Милутин Бојић	318
Иво Андрич. Иво Андрић	346
Милош Црњанский. Милош Црњански	374
Момчило Настасиевич. Момчило Настасијевић	402
Растко Петрович. Растко Петровић	426
Душан Матич. Душан Матић	450
Десанка Максимович. Десанка Максимовић	474
Радован Зогович. Радован Зоговић	506
Душан Радович. Душан Радовић	532
Васко Попа. Васко Попа	560
Мира Алечкович. Мира Алечковић	588
Бранко В. Радичевич. Бранко В. Радичевић	616
Слободан Маркович. Слободан Марковић	644
Стеван Раичкович. Стеван Раичковић	672
Миодраг Павлович. Миодраг Павловић	700
Изет Сарайлич. Изет Сарајлић	728
Бранко Миљкович. Бранко Миљковић	756
Витомир Николич. Витомир Николић	784
Любомир Симович. Љубомир Симовић	812

Добрица Эрич. Добрица Ерић	840
Бранислав Петрович. Бранислав Петровић	868
Милован Данойлич. Милован Данојлић	896
Любивоје Ршумович. Љубивоје Ршумовић	924
Матия Бечкович. Матија Бећковић	952
Радован Караджич. Радован Караџић	980
Райко Петров-Ного. Рајко Петров Ного	1008
<i>Сербская поэзия XX века. Библиография</i>	1036
<i>Указатель авторов — Регистар аутора</i>	1055
<i>Указатель авторов переводов</i>	1057
<i>Регистар дела</i>	1059
<i>Указатель произведений</i>	1077
<i>Резиме</i>	1096

От редактора

Авторы данной работы рассматривают антологию как важный жанр филологического исследования и исходят из традиции создания антологий славянской поэзии в России (Н. В. Берг, М. П. Петровский, Н. В. Гербель, Р. Ф. Брандт, В. В. Уманов-Каплуновский, Н. Н. Нович, С. Н. Штейн, А. Н. Сиротинин, И. Н. Голенищев-Кутузов). Создание антологии (книжной серии, коллекции, библиотеки) — метод критической интерпретации и демонстрации литературного процесса в его проблемно-жанровой динамике, совокупности тенденций и многообразии поэтик. Антология позволяет наглядно высветить многоликое единство литературы, её художественный масштаб, прояснить контекстуальные связи. Это эффективный инструмент взаимного сближения и обогащения культур, противодействия унификации культурного пространства. Творческая позиция антологиста, проявленная в выборе и представлении авторов и текстов, становится действующим элементом литературно-общественной жизни. При создании антологий активизируется перевод как фактор восприятия иноязычных литератур во всей полноте его просветительской и культуротворческой функции.

Среди известных разновидностей антологий: собрание шедевров, репрезентативный сборник (тематический, жанровый, окказиональный), хрестоматия, исследование с литературным приложением, — здесь избран последний тип, наиболее ёмкий и интересный.

Материал исследования — одна из самых богатых славянских литератур, тесно связанная с русской. В фокусе внимания — поэты, ценимые в Сербии и в мире. Антология задумана как общий том «избранного» лучших поэтов XX века, представленных наиболее значимыми текстами, созданными на всём протяжении их творческого пути. Показана развёрнутая панорама новой сербской поэзии, широкий спектр её важнейших явлений. Книга включает историко-литературное введение, аналитические очерки, художественные тексты, справочно-библиографический аппарат. Серия статей-портретов крупнейших авторов в сочетании с их произведениями (на языке оригинала и в переводе) даёт связную картину развития национальной поэзии в эпоху интегрирующего синтеза. Для всех поэтов антологии слово — открытие, а не забава. Уважая традицию, они обновили родную речь и снискали себе верных читателей. Все они — заметные личности сербской литературной жизни (что не означает, будто ими эта жизнь исчерпывается). Многими из них созданы первоклассные переводы мировой поэзии, в том числе русской.

Понятие XX века в литературе не совпадает с календарной хронологией: поэтический век начался (и кончился) раньше, чем историческое столетие. Все поэты, представленные в антологии, родились до 1945 года; позднейшие

во многом принадлежат уже другому времени, оценка их творчества впереди. Выбор поэтов — в соответствии с реальной картиной бытования сербского языка — не ограничен собственно Сербией: сербская, черногорская, боснийско-герцеговинская поэзия рассматриваются как многосоставное целое. Авторы работы солидарны с пониманием литературы как «критики идеологии» (П. Палавестра) и «альтернативной идеологии» (З. Константинович), придерживаются позиции научной беспристрастности в той мере, в какой это возможно в наши дни, когда диалог культур разворачивается в обстановке повсеместного пересмотра идейно-эстетических ценностей, обострения межкультурных конфликтов и лавинного нарастания пропагандистской лжи.

Исследование имеет целью восполнить существенный пробел в отечественном восприятии югославянских литератур, вводит в культурный обиход ряд ранее не известных у нас имён и произведений, благодаря которым сербская литература по праву занимает видное место в мировой культуре. В качестве свода научной и художественной информации книга адресована специалистам и широкому кругу читателей, интересующихся славянскими литературами.

Работа осуществлена в Отделе литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ им. А. М. Горького Российской академии наук. Авторы предисловия — *М. Карасёва, А. Базилевский*. Авторы очерков о поэтах: *М. Карасёва* (Лаза Костич, Воислав Илич, Алекса Шантич, Йован Дучич, Милан Ракич, Владислав Петкович-Дис, Сима Пандурович, Велько Петрович, Станислав Винавер, Милутин Боич, Иво Андрич, Милош Црњанский, Момчило Настасиевич, Растко Петрович, Душан Матич, Десанка Максимович, Радован Зогович, Васко Попа, Мира Алечкович, Бранко В. Радичевич, Миодраг Павлович, Бранко Милькович, Добрица Эрич); *А. Базилевский* (Милета Якшич, Светислав Стефанович, Душан Радович, Слободан Маркович, Стеван Раичкович, Изет Сарайлич, Витомир Николич, Любомир Симович, Бранислав Петрович, Милован Данойлич, Любивоје Ршумович, Матия Бечкович, Радован Караджич, Райко Петров-Ного). Литературно-иллюстративная часть, биографические справки и библиография составлены *А. Базилевским*.

В оформлении использован сербский национальный орнамент.

Переводы, кроме отмеченных в «Содержании» *, приводятся по изданию: «Антология сербской поэзии» (Т. 1–3. М., 2004–2008).

Редактор-составитель выражает искреннюю благодарность за содействие в работе коллегам по институту, сотрудникам Сербской академии наук и искусств, прежде всего академику Предрагу Палавестре, сотрудникам Национальной библиотеки Сербии, Библиотеки Белградского университета, Библиотеки города Белграда, Библиотеки Матицы сербской, Городской библиотеки Нови-Сада, Национальной библиотеки им. Вука Караджича и Библиотеки университета в Крагуевце, Национальной библиотеки и Библиотеки университета в Нише, всем поборникам общего дела. Особая признательность — Мирьяне Булатович, работникам издательского отдела Сербской православной церкви и Йоле Станишичу за участие в допечатной подготовке сербского текста, а также издательству «Этерна», бескорыстно принявшему на себя труд по выпуску книги в свет.

Предисловие

В течение всего XX века Сербия вынуждена была, как прежде, отстаивать свою независимость, находясь в пограничном пространстве, между молотом и наковальней разнонаправленных интересов более сильных, агрессивных мировых держав. Страна веками упорно боролась за выживание и порой расширяла свои границы до пределов населенных сербами балканских земель, однако части ее территории вновь и вновь отторгались и переходили под власть соседей. Извечное пребывание на распутье, в зоне конфликта христианского запада и мусульманского востока, способствовало тому, что национальное сознание противилось упрощенной самоидентификации, искало нечто свое («третий путь»), призванное снять крайности ради достижения гармонии. Перед лицом внутренних противоречий и внешних угроз это сознание вынуждено было искать опору в разных традициях, его питали разные, трудносовместимые источники. Метания между «своим» и «чужим», между импульсами и соблазнами, идущими извне, и собственными национальными и наднациональными задачами наложили существенный отпечаток на весь ход сербской истории. Обострённое чувство исторического достоинства вселило в сербов высокие героические идеалы, сделало их восприимчивыми к идеалистическим философским концепциям, в духовных поисках часто заставляло опираться на такие надличностные понятия, как «народ», «земля», «почва», «национальная идея».

Сербская поэзия развивалась в тесной связи с многосоставной традицией порождающей ее культуры — разомкнутой, подверженной многим внешним воздействиям. В разные периоды истории Сербия была включена в разные культурные ареалы: с древности до XVIII века — преимущественно в византийский, затем, вплоть до наших дней, — в русский и западноевропейский. Пятивековое османское иго (XV–XIX века) и упорная австро-венгерская экспансия (XVII — начало XX века) стали причиной того, что сербы поддерживали свою культурную идентичность, бережно сохраняя старое духовное наследие и создавая богатый и своеобразный фольклор (в том числе юнацкие песни, воспевающие неравную борьбу с захватчиками). Две традиции — церковно-письменная, просветительская, с ее приверженностью историзму и дидактизму, острым чувством коллективной судьбы народа, и устно-поэтическая, пронизанная героическими идеалами и столь же преданная славянству и сербству,

как первая, — не противоречили одна другой, жили словно бы параллельно и в культурном пространстве занимали особые ниши.

В XVIII веке ориентиры сербской культуры постепенно менялись. Стремление создать собственное национальное государство переместило центр тяжести культурного сознания с традиционной консервативности на динамизм и ускоренную интеграцию в круг прочих европейских народов. Литература живо воспринимала идущие из Западной Европы и России импульсы, постепенно приобретала светское измерение, вырабатывала новый литературный язык (сперва это был так называемый русско-славянский, затем славяно-сербский, более близкий к национальной почве). Был быстро пройден путь от барокко (восходящего к ренессансной дубровницкой литературе) до Просвещения и сентиментализма. Сербские просветители второй половины XVIII века (Захария Орфелин, Досифей Обрадович) открыто требовали переориентации национального искусства с традиционного византизма на античные, прежде всего древнегреческие, и современные европейские, в том числе русские, образцы. В начале XIX века национальный подъем страны знаменовала собой предромантическая поэзия «объективного чувства».

Краеугольным камнем культурного возрождения стала реформа литературного языка, проведенная Вуком Караджичем в первой половине XIX века. В основе языка национальной культуры, по мнению реформатора, должна была лежать народная разговорная речь. Караджич нашел ее в устной поэзии, как в чистом источнике, не замутненном внешними заимствованиями. Народные песни он рассматривал как национальную классику, а церковнославянскую письменную традицию отвергал как «несербскую» или «только по видимости сербскую». Одним из важнейших последствий этого стал отход литературы от прежней, церковно-культурной и дидактико-просветительской формы бытования и переход ее в область светской «изящной словесности», имеющей непосредственное отношение к сфере прекрасного, возвышенного и воображаемого. Впрочем, византийская традиция никуда не исчезла: сохранив свои позиции в области религии, она продолжала оказывать влияние на все сферы народной жизни, в том числе на литературу.

В поэзии реформа Караджича сыграла принципиальную роль. Стиль и формы поэзии оставались эпическими и фольклорными еще много десятилетий и, хотя неоднократно оспаривались, в основе своей были непоколебимы до XX века. Главной стиховой системой была силлабическая (подвергавшаяся незначительным силлаботоническим модификациям), главным размером — эпический десятисложник с восьми- и двенадцатисложными вариациями стихотворных строк. Ведущим поэтическим направлением весь XIX век оставался героико-патриотический романтизм, который отвечал задачам национального возрождения и способствовал духовному подъему общества. Виднейшие из сербских поэтов-романтиков: Петр Петрович Негош (1813–1851), Бранко Радичевич (1824–1853), Джоржа Якшич (1832–1878), Йован Йованович-Змай (1833–1904). Особен-

ность их творчества — глубокая связь с отечественной дидактико-просветительской словесностью XVIII века и русской реалистической литературой.

К концу XIX века в Сербии, уже свободной от турецкого владычества, начался экономический и культурный подъем, обусловивший перестройку всех сфер жизни. В обществе сложилось зрелое гражданское и культурное сознание. Стремление встать вровень с остальной Европой, в полной мере приобщиться к ее культуре, раздвинуть рамки регионализма было столь велико, что старая, «вуковская», поэтическая школа с ее неизменным фольклоризмом, героизацией старины и опорой на вдохновенный дилетантизм отчасти перестала отвечать запросам общества. Бессленно стоящая на страже национальных интересов традиционная поэзия перед лицом новых социально-политических испытаний обнаружила недостаточность своих возможностей. Назрело расширение спектра переживаний, тематики, освобождение от нравочительности, от просветительски-утилитарных принципов. За литературой признавалось право быть особой, сугубо автономной сферой человеческой деятельности.

Исход XIX столетия — начало «золотого века» сербской поэзии. Появились новые поэты европейского уровня: Лаза Костиц (1841–1910), Воислав Илич (1862–1894), Алекса Шантич (1868–1924), чуть позже — Милета Якшич (1869–1935), Йован Дучич (1872–1943), Милан Ракич (1876–1938). Особенностью литературной жизни стали нескончаемые споры между «традиционалистами» и «модернистами» об эстетических функциях искусства, которые оказались сопряжены с горячими общественно-политическими проблемами и аккумуляровались в себе смыслы, далекие от чисто художественных. Идущие с запада веяния «нового искусства» (ар-нуво, югендстиля, сецессии) воспринимались в Сербии обобщенно, вне программной конкретики, как признаки неудержимого и тотального обновления всех сторон жизни. Стихийный сербский модернизм (аналогичный программно оформленному «хорватскому модерну») выразился в хаотичном смешении разных, часто антагонистических качеств. Национальное воодушевление соседствовало с социальным пессимизмом, уходом в субъективизм, а рационализм и позитивизм — с чертами символизма и декадентства.

Поэзия жадно вбирала мировой опыт, стремилась вырваться на просторы межкультурных взаимодействий, за пределы национальной проблематики, — а потом возвращалась к ней, не в силах преодолеть тяготение укорененных в культуре матриц. «Модернисты» не совпадали в политических мнениях с «традиционалистами» и «почвенниками», однако каждый взваливал на себя груз поисков истины, выполняя роль правдоискателя, подвижника, народного трибуна и плакальщика, «воина пера» — словом, «совести нации». На протяжении XX века каждое новое поколение — движимое противоречивыми побуждениями — начинало с отрицания опыта и достижений «отцов», принималось с мессианской верой в себя строить «новую» культуру. Главные баталии разыгрывались по по-

воду патриотичности эстетических основ современного искусства и их соответствия национальному характеру. Противостояние между поэзией «исповедальной», «органической», «песенной», «аутентичной», с одной стороны, и поэзией «программной», «умственной», концептуальной, амбициозной с другой, в Сербии приняло обоюдные, выходящие за рамки искусства формы.

В спорах немалую роль играла критика, авторитетные представители которой стали духовными вождями молодежи и «властителями дум» образованного общества. Особая роль в становлении критического самосознания сербской литературы принадлежит Лазе Костичу. Он вел изыскания в области античной и народной поэзии и сделал попытку создать всеобъемлющую эстетическую теорию, «скрещивая» национальную и общеевропейскую традиции. Эссеистика Костича, родившаяся в противовес профессиональной критике, была подчеркнута субъективна и импрессионистична. Вместе с Воиславом Иличем он стал провозвестником новой поэтической эпохи — открыв XX век до исхода календарного XIX. Поэзия Илича, спонтанная, не подкрепленная теориями, была особым, опережающим явлением рубежа веков. В ней соединилась возвышенная надмирность, острое мистическое чувство, нервная метафорическая ассоциативность с объективной реалистичностью выражения. С «воиславизмом» в сербскую поэзию вошел «чистый» символистский дух, творческое «парение» и меланхолические медитации.

Основателем новой литературной критики считается Любомир Недич (1858–1902), который отверг господствовавшую до него «естественную» (биографически-психологическую) и «реальную» критику и ввел «имманентные», собственно эстетические критерии. В книге «Из новой сербской лирики» (1893) он дал уничтожающие характеристики известных поэтов, столпов «вуковской» традиции, отказывая им в таланте, а их произведениям — в содержательности и выразительности. Авторитарный натиск Недича сыграл роль в сотрясении основ и перестройке поэзии на новый лад.

Богдан Попович (1863–1944) — издатель фундаментального журнала «Српски книжевни гласник» («Сербский литературный вестник», 1901–1941) — отстаивал идеальный «филологический позитивизм», считая, что искусство должно быть выражением «порядка и гармонии». Его знаменитая «Антология новой сербской лирики» (1911) составлена в согласии с требованием совершенства «всего произведения в целом». «Эталонный образец» своих принципов — блестящее владение версификацией и удачное перенесение на сербскую почву иноевропейских стилей — Попович видел в творчестве Дучича и Ракича, чья поэзия знаменовала собой высокий, элитарный модерн. «Српски книжевни гласник» ратовал за обогащение отечественной культуры в рамках четкого национального курса. В поэзии он выступал за раскрепощение чувств, лирику ясных тонов, звучной гармонии и формальной упорядоченности. Впрочем, «Гласник» знакомил читателей со многими зарубежными «декадентами» и «проклятыми» поэтами. Он стал главным идейным центром серб-

ского модерна, проводником новейших течений. Вокруг журнала объединились выдающиеся авторы, разделявшие его наступательную культурно-миссионерскую позицию.

Йован Скерлич (1877–1914), редактировавший «Гласник» вместе с Поповичем, в своей критике опирался на «вуковскую» демократически-утилитаристскую традицию. Он отстаивал идеи «нравственного здоровья» и духовного возрождения народа. Ему были близки задачи утверждения ценности человеческой личности, освобождения искусства от устаревших шаблонов. Однако метафизическая устремленность современной литературы, ее «предчувствия», блуждания «меж явью и сном», невроты, экстазы, кошмары подсознания казались Скерличу «лицедейством», «туманом в голове» и «литературной заразой». Воззрения Скерлича, тяготея к реализму, включали в себя сложный спектр виталистских, романтико-утопических и символистских идей. Скерлич открыл читающей публике многих выдающихся поэтов близкого ему склада.

Старшее поколение поэтов модерна: Светислав Стефанович (1874–1944), Стеван Лукович (1877–1902), Даница Маркович (1879–1932), Владислав Петкович-Дис (1880–1917), Сима Пандурович (1883–1960), — впитывая гремучую смесь бунтарских интеллектуальных и духовных движений своего времени, погружаясь в мир русских, французских, скандинавских и немецких модернистов, искало новые ориентиры. Поэты тяжело переживали отчужденность и опустошенность современного человека, противоречивость его судьбы. Их поэзия вырастала из чувства экзистенциального страха, одиночества и смятения, говорила о жестокости и неумолимости жизни, о смерти как единственном пути к блаженству и счастью. Уход в субъективность помогал им сохранить ту свободу, которой в реальной жизни они не находили. Исторические события не способствовали долгому цветению сербского «золотого века».

После австро-венгерской аннексии Боснии и Герцеговины (1908) в сербском общественном сознании актуализируется «видовданская» мифология, восходящая к временам, когда рождался национальный героический эпос. Накануне Балканских войн эта сербская окраина, где действовала освободительная организация «Молодая Босния», была очагом противодействия возрастающей иностранной экспансии и оплотом борьбы за югославянское объединение. Выходящий в Сараеве журнал «Босанска вила» («Боснийская фея», 1885–1914) стал авангардной трибуной всего региона, говорящего на сербскохорватском языке, центром, привлекающим художников из всех южнославянских стран и областей, рупором протеста против культурной колонизации. «Босанска вила», ниспровергая элитарную буржуазную культуру, объявила войну «литературному синоду» столичных эстетов. В ней печатались молодые поэты, ставшие затем главными действующими лицами сербской литературы. Редактор журнала, поэт Димитрие Митринович (1880–1953), опубликовал здесь первый сербский манифест футуризма — «Эстетические размышления» (1914).

Молодых авторов объединяло стремление ускорить художественный процесс. Они не принимали нормативной, ходячно-жизнеутверждающей поэтики, не по душе им было и туманное эстетство. Дух времени требовал динамики, устремленности в обновленное будущее и размежевания с «ложной» традицией прошлого. Однако сербы не спешили присоединяться к западноевропейским школам, с подозрением относились к свойственным авангарду прагматизму, экстремизму, декларативности и позерству. Как правило, они не были склонны к формализму и иррациональности; перенимая у иноязычной поэзии некоторые атрибуты, вкус к стилизации и пародированию, все же больше опирались на здравый смысл и кипение чувств («естественности» которых доверяли больше, чем отточенности формы).

Воодушевляясь идеями югославянского единства, освобождения от иноземной власти, в искусстве новое поколение стремилось к синтезу новаторства и гражданской проблематики с опорой на национальную историю и мифологию. Всплеск свободолюбия и гражданской патетики был искренним и всенародным. Поэты, исполненные духа национальной гордости, подхватили девиз «Негероическому времени вопреки!». Они часто обращались к жанрам марша, гимна, плача, патриотизм стал абсолютным критерием художественности. Чаяния новой лирики отразились в гражданственной экспрессии Велько Петровича (1884–1967) и Милутина Боича (1892–1917).

В начале Первой мировой войны, после кратковременных успехов, сербская армия была разгромлена, а страна оккупирована. Правительство удалилось в эмиграцию. На греческом острове Корфу (где сосредоточились отступившие войска) в течение нескольких лет тлела сербская культурная жизнь, выходил «Забавник» (1917–1918) — до освобождения страны едва ли не единственный сербский литературный журнал. Победа в войне и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918) поставили сербское общество перед лицом новых проблем. Единство в реальном воплощении оказалось пародией на идеальные представления о нем. Поколение созидательно напористой молодежи, одержимое идеей модернизации страны, в силу объективных причин не смогло реализовать свой потенциал. Беспрецедентное явление объединенной державы не принесло на Балканы умиротворения. В наэлектризованной послевоенной атмосфере вспыхнули национальные конфликты. Различия в отношении к русской революции, которую многие в Сербии встретили с энтузиазмом, усугубили брожение и размежевание умов.

Война свела на нет многие перспективные культурные начинания, однако военная катастрофа, а затем победа дали импульс развитию сербской поэзии. В 1920-е годы она переживала несомненный подъем. Исчезли последние признаки эпигонской книжной красоты; наряду с трагическими переживаниями и душевным фатализмом проявились созидательные настроения, произошел поворот к этическому и социальному активизму. Порыв к многостороннему видению действительности, чувство всеобщей связи и взаимообусловленно-

сти, ощущение новизны исторического момента — всё это породило невиданное доселе разнообразие и бурление художественных идей. Поэты творили в состоянии обостренного восприятия реальности и с чувством миссионерской значимости своего призвания.

Вскоре после войны заявил о себе сербский экспрессионизм. В 1920–1921 годах один за другим появляются: «Манифест экспрессионистской школы» Станислава Винавера (1891–1955), «Объяснение Суматры» Милоша Црњанского (1893–1977), «Экспрессионизм у славян» Бошко Токина (1894–1953). Станислав Винавер отстаивал интуитивную природу поэзии, пытался «передать непередаваемое» в языковой мелодии, не привязанной к конкретному смыслу слов, но «резонирующей музыке вселенной». Милош Црњанский вступил в литературу с радикальными активистскими декларациями, затем создал собственную программу («эфиризм» или, чуть позже, «суматраизм»). Его визионерские стихи вбирали в себя элегические славянские мотивы, патриотический накал поздней романтики и изощренный интеллектуализм нового искусства. Экспрессионизм с его бунтарством, опорой на интуитивную философию и антропологию, апелляцией к пробужденному человеческому сердцу способствовал адекватному восприятию исторического момента и его художественному осмыслению.

В экспрессионистском ключе развивалось поэтическое творчество Иво Андрича (1892–1975), Жарко Васильевича (1892–1946), Душана Васильева (1900–1924), Божидара Ковачевича (1902–1992). Близок к экспрессионизму был Момчило Настасиевич (1894–1938). Философские начала бытия угадывались им как синтез религиозных истин и поэтических озарений, имевших общий источник в архаических слоях культуры. Поэзия, по убеждению Настасиевича, призвана «очистить» от ложных наслоений культурное поле, заросшее сорняками произвола, вернуть людей к правде и духовной гармонии. Растко Петрович (1898–1949) — авангардист, стремившийся обновить поэзию через примитивизм и витализм. В его творчестве сочетались экспрессионистский экстаз, футуристический порыв и интуитивное погружение в древние слои национальной психологии и культуры.

В первой половине 1920-х годов новаторские настроения в сербской поэтической среде были, как правило, расплывчатыми, анархически бунтарскими, направленными против всей «старой» литературы. Требования сводились к разрыву с традицией, утверждению индивидуализма, отрицанию всяких принципов и полной свободе самовыражения. Авангардисты постепенно разбивались на фракции, исходя из предпочтений той или иной поэтики, и создавали собственные, доморощенные «измы». Возникло несколько радикальных объединений, близких футуризму, дадаизму и сюрреализму. Новые течения порождали программотворчество, отличавшееся вдохновенной эмоциональностью утопических постулатов.

Журнал «Зенит» (1921–1926), издаваемый поэтом Любомиром Мицичем (1895–1971), культивировал свою версию авангардизма, включавшую в себя, наряду с футуристическим прожектёрством, сла-

вянский «титанизм» и громкую социальную риторику. Мицич предлагал воскресить архаику: «балканский варварогений» призван разрушить дряхлеющую европейскую цивилизацию и создать на ее месте иную, динамичную, младенчески непосредственную и одухотворенную. «Зенитизм» разворачивался на фоне мистико-мессианских настроений в сербском обществе, возникших на гребне победоносной войны и — по видимости — успешного воплощения объединительного югославянского проекта. Сперва размах и высокое качество издания привлекли к нему многих авторов авангардного толка, но авторитаризм Мицича, его нетерпимость к критике заставили их массово покинуть журнал.

Другой вариант балканского витализма воплощен в журнале Раде Драинаца (1899–1943) «Гипнос» (1922). «Гипнизм» солидаризировался с антиевропейскими выпадами «зенитистов», но тяготел к культуре Дальнего Востока, считая, что именно там взойдет новое солнце духа. Журнал интересен не столько своей эклектичной программой, сколько устремленностью к расширению горизонтов культуры через ее приобщение к далеким мирам, что превратилось в одну из характерных черт сербского искусства.

Группа сюрреалистов, сплотившихся вокруг журналов «Путеви» («Пути», 1922–1924), «Сведочанства» («Свидетельства», 1924–1925) и ряда альманахов, следовала в русле французских манифестов и быстро социализировалась, войдя в альянс с нараставшим в Сербии революционным движением. Начав с безграничного всеотрицания, художественного нигилизма и экспериментаторства, впоследствии сюрреалисты сумели создать значительные произведения: среди них многие стихи Душана Матича (1898–1980), Оскара Давичо (1909–1989), поэма Милана Дединаца (1902–1966) «Гулящая птица», поэма Марко Ристича (1902–1984) «Турпитуда».

В 1930-е годы поэтическое творчество естественно подразумевало участие в защите человеческих прав. Поэты, в стихах воспевающие свободу, готовы были в жизни за нее умереть. Они были движимы чувством человеколюбия и возмущением против социальной несправедливости. Многих поэзия привела в суды и тюрьмы, побудила примкнуть к революционному подполью. Возникла радикальная литературно-идеологическая программа социального реализма: она напрямую связала ценность поэзии с общественной пользой, в качестве критерия художественности выдвигая «активно воздействующую форму». Принципиальное несоответствие эстетики социально ориентированного искусства и разных форм интеллектуального эстетизма стало восприниматься как продолжение классового и социального противостояния. Среди лириков-бунтарей выделяется черногорец Радован Зокович (1907–1986). В его поэзии сплавились воедино искренняя, пламенная революционность и народная стихия, мощная и бескомпромиссная поэтика экспрессионистского мятежа и романтический порыв к жертвенности и счастью.

В межвоенное двадцатилетие начала свой творческий путь крупнейшая сербская поэтесса Десанка Максимович (1898–1993). Она

восприняла свежие художественные веяния органично и непринужденно, как способ отражения новых жизненных смыслов; ее исповедальная лирическая поэзия, озаренная гражданственностью, стала плодотворным синтезом традиции и новизны.

В захваченной нацистами Югославии, где вспыхнула народно-освободительная война, в 1941–1945 годах достигла расцвета социальная и патриотическая поэзия Сопротивления, боевая песня, рождавшаяся под непосредственным влиянием фольклорной традиции. Среди поэтов, писавших в народном ключе, виднейшие — Бранко Чопич (1915–1984) и Скендер Куленович (1910–1978).

В возникшей в 1945 году федеративной Югославии искусству поначалу навязывались догматические критерии, модернистские течения изгонялись. Исключением составлял сюрреализм: используя факт своей политической ангажированности в 1930-е годы, он объявил себя «авангардом» осуществившихся в стране перемен и в своей воинственной нетерпимости превзошел даже партийно санкционированный социальный реализм. Однако поэтика сюрреалистического гротеска ушла на периферию художественного творчества. Доминировала маршево-песенная тональность, выражавшая дух победного воодушевления, морального подъема, созидательного энтузиазма. В качестве противовеса такой поэзии вновь оживился романтизм. Сродни ему прозрачная импрессионистическая лирика Александра Ивановича (1911–1965). Свою песнь любви и созидания уже слагала Мира Алечкович (1924–2008). Трудный осмысленный оптимизм вкладывали в стихотворные строки Изет Сарайлич (1930–2002), Славко Вукосавлевич (1927–2004).

После того как в 1948 году Советский Союз занял жесткую позицию в отношении югославской политики на Балканах, руководство государства стало стремиться к равноудалённости от глобальных военно-идеологических лагерей, взяв курс на беспощадное искоренение просоветского инакомыслия (при высокой терпимости к тенденциям потребительства). Старшее поколение, помнившее порядки в королевской Югославии, позор молниеносной оккупации и многочисленные жертвы гражданской войны «всех против всех», восприняло факт отлучения страны от недавних союзников и парадоксы последующего социально-экономического развития как путь к катастрофе. Однако вступавшее в жизнь «поколение 1948-го» с готовностью отвернулось от социалистических идеалов, сочтя их химерическими, провозгласило возвращение истории на круги своя. Поэзия погрузилось в «неангажированные» поиски.

В 1950–1960-е годы споры об авангарде, как всегда, приобрели тесную связь с политическими и идеологическими дебатами. Происходили острые столкновения между сторонниками традиционного искусства, к которому вместе с классическим реализмом и романтизмом причислялся современный идеологизированный реализм, и сторонниками так называемого нового искусства, которое включало в себя остальное художественное поле. Авангардные имена межвоенного двадцатилетия были реабилитированы. Среди течений

субъективно рефлектирующей, экспериментальной поэзии возобладали сюрреализм, который в лице Любиши Йоичича (1910–1978) и других приобрел качество герметической эксцентрики. Всплеск авангардизма не породил новых крупных явлений. Многие поэты ушли в размышления о будничных заботах, их стихи несли в себе разочарования и неверие. Расцвела поэзия иррациональная, отмеченная деструктивными настроениями, ужасом перед реальностью, безволием, тоской по чему-то неведомому и запредельному.

На этом фоне зрела иная поэзия, гармонично соотносившая индивидуальное и историческое бытие, давшая в творческом переживании образную квинтэссенцию эпохи. Течения как таковые перестали играть прежнюю роль, хотя и тогда, и позднее возникали эфемерные группы и поэтические программы («интегрализм», «сигнализм», «клокотризм...»). Приоритет остался за личностями.

Несомненным лидером философской поэзии был босниец Мак Диздар (1917–1971). Его стихи стали откровением для всех, ценящих лаконичное глубокое слово. Душан Радович (1922–1984) заложил основы несентиментальной, мудрой поэзии для детей. Неординарностью видения и мощью образотворчества отличается поэзия Васко Попы (1922–1991), воскресившего в отточенном свободном стихе этнокультурную архаику. Бранко В. Радичевич (1925–2004) и Слободан Маркович (1928–1990) — стихийные метафизики, чья жажда жизни в ее элементарных проявлениях порождала лирику безыскусственную и проникновенную. Стеван Раичкович (1928–2007) без отчуждающей дистанции от мира стоически «выплакивал» человеческую боль, оставаясь верным своему созерцательному призванию. Йоле Станишич (р. 1929) соединил в стихах достоинство черногорца, мужественное сознание революционного борца и ощущение неповторимой ценности каждого мгновения.

Смелая, серьезная, тяготеющая к интеллектуализму поэзия неоклассицистов: Миодрага Павловича (р. 1928), Ивана В. Лалича (1931–1996), Йована Христича (1933–2002), — отличалась богатством интонаций и форм. Движимые общественной потребностью в постигающем слове, поэты пытались очищать культуру от лжи и языковых aberrаций. Мифологические поиски вели их к философскому осмыслению истоков гуманизма. Заметным явлением неоклассической ориентации стал новый иллиризм, актуализирующий средиземноморские корни сербской культуры. Связанная с ним поэзия Милорада Павича (1929–2009) требовала для своего восприятия обширной эрудиции, отличалась рафинированной элитарностью. Ярким талантом был Бранко Милькович (1934–1961) — неосимволист, считавший истинной скрытую трансцендентную реальность, угадать которую можно, лишь погружаясь в глубины духа.

Мирослав Антич (1932–1986), чьи стихи адресованы прежде всего юношеству, создал тонкий сплав эмоциональной экспрессии с созерцательным размышлением. Срболоуб Митич (1932–1993) предпочел стихийное интуитивное письмо, раскрывающее потаенные глубины народного самосознания. В поэзии Бранислава Црнчевича (1932–

2011), писавшего для взрослых и детей, воплотилась лукавая афористичность в сочетании с грустной точностью наблюдений. Душко Трифунович (1933–2006) выбрал путь поэта-песенника, с печальным остроумием следуя законам жанра, но существенно усилив его содержательный потенциал. Витомир Николитч (1934–1994) запечатлел в стихе трепетную хронику бесприютного, но сладостного земного существования. Любомир Симович (р. 1935), автор объективного, аналитического склада, воскрешает в сознании соотечественников героико-трагические мифы, где сконцентрирован духовный и экзистенциальный опыт нации.

Добрица Эрич (р. 1936), начинавший как простодушный певец буколической радости, вырос в пламенного обличителя социальной неправды и защитника сербства (став при этом и одним из любимых в Сербии детских поэтов). Вито Маркович (р. 1936) привлек внимание необычным синтезом интеллектуализма и фольклорно-лингвистического шаманства. Бранислав Петрович (1937–2002) в условиях соскальзывания всего и вся в порчу и небытие, упрямо призывал волевым усилием противостоять агрессии распада, сопротивляться смерти даже перед лицом самой смерти. Миловану Данойличу (р. 1937) удалось создать импульсивный мир образных реакций на привычную неправду обыденности. Алек Вукадинович (р. 1938) — виртуоз лаконичного онтологически напряженного стиха, построенного по образцам отточенных веками форм. Заслуга Любиво Ршумовича (р. 1939) — развитие игровой традиции детской поэзии; выступает он и как серьезный гражданский лирик. Матия Бечкович (р. 1939) на языке жесткой образной логики повествует об опасных отклонениях людей от истины и человечности, об их блужданиях во внеисторическом хаосе.

На рубеже 1960–1970-х годов геополитический противник усилил идеологические атаки на Югославию, взращивая и поддерживая республиканский сепаратизм. Система не смогла противостоять разрушительным внутренним процессам и беспрецедентному внешнему давлению, имевшему целью развал страны. Повседневная жизнь политизировалась и насыщалась межнациональными распряями, молодежными волнениями, росла социальная напряженность. Власть пыталась затянуть гайки, но последнее десятилетие союзной Югославии было отмечено упадком всех сторон ее жизни. События 1990-х годов, включая спровоцированную извне братоубийственную войну и натовские бомбардировки, стали продолжением многолетней антисербской политики запада.

Искусство в 1970–1980-е годы претерпело заметные изменения: «снизу» оно подверглось ускоренному омассовлению и американизации, «сверху» его захлестнула новая волна иррациональности в облике постмодернизма. Многие поэты предпочли зависимость от чужих лекал и стандартов, выбрали ученичество там, где существовало выработанное поколениями отечественное достояние, сербская школа творчества. В 1990–2000-е годы, на страшном фоне войны и распада Югославии, новые культурные деятели, воодушевленные

задачей скорейшей «европеизации» страны, поспешили забыть трагедии недавнего прошлого и предаться необременительному космополитизму, калькированию посткультурной потребительской мифологии. Такое случается сплошь и рядом со всеми народами после тяжелых испытаний национального масштаба, когда достоинство оказывается для многих непосильной ношей.

Лишь крупные художники оказались теми крупинками «соли земли», которые помогли нации в конечном счете сохранить лицо, чувство одухотворенной полноты, культурной преемственности и цельности жизни. Экстремальные обстоятельства последней трети XX века, когда вновь потребовала осмысления мистически-нравственная основа сербского самосознания, обострили в лучших поэтах чувство реальности и побудили их расширить творческие поиски. Радован Караджич (р. 1945) в эпически точно интонированном стихе следует за отчаянной извечной схваткой правды и несвободы. Райко Петров-Ного (р. 1945) противится обезличиванию, стремится вдохнуть новый драматизм в корневые традиционные образы, напомнить соотечественникам о путях надежды.

Несомненным своеобразием отмечен почерк Петара Паича (р. 1935), Момира Войводица (р. 1939), Слободана Ракитича (р. 1940), Ранко Йововича (р. 1941), Драгана Драгойловича (р. 1941), Адама Пуслоича (р. 1943), Предрага Чудича (р. 1943), Радомира Андрича (р. 1944), Стевана Тонтича (р. 1946), Милосава Тешича (р. 1947). Все они — при заметных различиях поэтики — так или иначе представляют поэзию, верную национальной традиции и патриотической идее. Бережное внимание к истокам народной беды и тревога за будущее питают творчество Милана Ненадича (р. 1947), Даринки Еврич (1947–2007), Драгомира Брайковича (1947–2009), Любицы Милетич (р. 1948), Зорана Костича (р. 1948), Ненада Груичича (р. 1954), Джордже Сладое (р. 1954), Благое Баковича (р. 1956), Мирьяны Булатович (р. 1958), ряда других одаренных авторов. Ими немало сделано для сохранения родной культуры и языка.

Сербская поэзия, следуя императиву духовной ответственности, приобрела в XX веке эсхатологический, мобилизационный характер. Богатая палитра авторских стилей и почерков подтверждает ее высокий художественный статус. На рубеже тысячелетий эта поэзия продолжает давать глубинный отпор тоталитаристским, обезличивающим тенденциям, принявшим новый, лицемерный и беспощадный облик. Она продолжает взывать к человеческой совести и чувству справедливости, вечным ценностям, упорству в противостоянии вселенской корысти и злу, по косовскому завету преображая национальное поражение в победу духа.

М. Карасёва, А. Базилевский

СПЛЕН ПЕСНИЦИ XX ВЕКА

ЛАЗА КОСТИЧ. ЛАЗА КОСТИЋ

Поэт, прозаик, драматург, эссеист. Родился 31 января 1841 в селении Ковиль близ Нови-Сада (Воеводина, Австро-Венгрия) в семье офицера австрийской армии. Переводил поэзию и драматургию с древнегреческого (Гомер), английского (У. Шекспир), французского (Ж.-Б. Мольер), немецкого (Г. Гейне). Учился в австрийских гимназиях в Нови-Саде, Панчеве и Будапеште. Окончил юридический факультет Пештского университета, защитил докторскую диссертацию по юриспруденции. Служил гимназическим учителем латинского и немецкого языков, нотариусом в магистрате, адвокатом, судьей, был сотрудником многих литературных и политических журналов, редактором нескольких газет. Деятель сербского национального движения, участник тайных организаций; дважды подвергался тюремному заключению. Был секретарем сербского посольства в России, советником черногорского князя Николая I. Действительный член Сербской академии наук и искусств. Умер 26 ноября 1910 в Вене (Австро-Венгрия).

Книги поэзии: *Песме* (1–2, 1873–1874); *Песме* (1909). Важнейшие собрания поэтических произведений: *Антологија Костић* (1923); *Песме* (1940); *Песме и драме* (1951); *Одабрана дела* (1–2, 1962; 1972); *Изабрана дела* (1963); *Песме* (1973; 1975; 1984; 1989; 1993); *Песме* (1989); *Песме* (1–3; 1991); *Песме* (2005). Поэзия издавалась в переводе на русский язык.

Лаза Костич — поздний романтик на пороге модерна, человек духовно независимый, свободомыслящий и упрямый, всецело погруженный в творчество. Он откликался на «музыку сфер» и был убежден, что искусство обладает абсолютной, жизнеустроительной ценностью. Творчество его отличалось внутренней сосредоточенностью и неподвластностью художественным вкусам эпохи. Широкая эрудиция, феноменальная память, чувство «всемирного гражданства» помогали ему проникать сквозь толщу веков и пространств, но оставаться пламенным патриотом. Он погрузился в «магию» родного языка, интуитивно прочувствовал многозначность и поэтическую силу его звучания, разглядел за прагматикой повседневной речи глубины и тайны, неведомые прежней поэзии. Образную стихию своих произведений и субъективность восприятия жизни поставил выше реальности, поэтому оказался не понят многими современниками, последователями рационально-отвлеченного романтизма и столь же рационального реализма. Поэтам XX века музыкальность его стихов оказалась близка, многозначность, беспрепятственное взаимопроникновение в них идеального и материально-чувственного были восприняты как предвосхищение новейшей поэтики.

Костиц воспевал космос, в котором «звезды сходят со своих путей», повинуюсь желаниям человека, а катаклизмы вселенского масштаба происходят по причине страстных порывов людей к любви и объединению, к уничтожению земных и телесных оков. Он чувствовал динамизм и диалектичность мира, его неустойчивость и текучесть. Антитеза, преодоление противоположностей — основа его мировоззренческой и художественной позиции. Не претендуя на оригинальность, поэт назвал ряд имен поэтов и мыслителей, которые казались ему близкими по духу, чьи идеи он считал основополагающими для собственных взглядов на искусство. Среди них: Гомер, Эмпедокл, Анаксагор, Гераклит, Шекспир, Шопенгауэр, Фихте, Гете. Главным, что ценил у них Костиц, была идея вечного движения, столкновения противоположных начал, красоты как динамического соединения и гармонизации противоположностей.

Вечное движение материи и духа к всё более симметричным и гармоничным формам, считает Костиц, обуславливает закон «скрещения». Красота — высшая степень «скрещения» противоположностей, и этим подтверждается тождество онтологии и эстетики. Искусство — вечное обновление, «вторая природа», а художник, как мудрый садовник, своим мастерством и знанием помогает расти природному растению. Художественное произведение — движущаяся картина мира в малом объеме. Чем противоположности сильнее, тем ярче линия их борьбы. Костиц называл это «поэтическим рембрандтизмом», считая, что гармония проявляется в дисгармонии и контрасте. Его мысль и творчество развивались в параллель, а иногда и в предвосхищение современных ему парнасских и символистских течений в искусстве. Принцип «скрещения» проявлялся и в драмах, и в стихах Костица, и никакая внешняя критика, всю жизнь преследовавшая его за «своеволие» и «невнятицу», не смогла поколебать его убеждений. Он черпал из всех родников, которые казались ему подходящими, потому что, по его мнению, «кристаллизация» языка следует принципу «живой гармонии», совершается по «закону притяжения и отталкивания, который целому свету дает жизнь».

Крайне важны для Костица древнегреческие образцы. Знаток классической древности, он следовал за любимыми авторами, пытаясь перенять у них взгляд на мир, который «уравновешен» противоборствующими началами. В его произведениях множество явных переводов, переносов, калек, новых терминов, смоделированных по древним образцам. Разнообразие форм помогало выразить сложные, логически выстроенные мысли, соединить разные культурные пласты, для объединения которых лексических средств современного поэту сербского языка не хватало. Глубинное качество эллинизма Костица — принципиальное отталкивание от всего, что относится к римской цивилизации, противопоставление ей ценностей греко-христианских. Римское начало, а затем и романское, представлялось ему тяготеющим к материальности, сомнительным с точки зрения духа: у западных народов «корысть в самом начале потеснила красоту». Зато славянским народам издревле свойственно

чувство «неутилитарной красоты», по которой можно судить об их взглядах на мир.

Поэтическое наследие Костица составляет три книги стихов. Между двумя первыми и последней — более тридцати лет, за это время мастерство поэта приобрело отточенность и блеск. Поначалу Костиц писал стихи, исполненные боевого духа, оптимизма и веры в победу: о любви к родине, о национальной свободе и социальной справедливости. Вскоре он расширил тематику, считая, что сербской словесности необходимы «прививки» из других литератур, «более развитых, гордых, упорядоченных». В поэзии он проявил себя как эрудит, знакомый с историей, этнографией, языковыми, культурологическими и естественно-научными концепциями своего времени. Творческая свобода позволяла ему экспериментировать с формой, прибегать к необычным тропам и оборотам, к прихотливой метафорике, соединять стили, контрастность которых способствовала динамизму композиции, цельности и пластичности поэтических картин, одухотворенности перспективы.

Излюбленная стихотворная форма Костица — большое лирическое стихотворение философско-медитативного характера. Поэт создавал собственную поэтическую космогонию, близкую романтической с ее вселенскими атрибутами — солнцем, луной, звездами, но имеющую яркие индивидуальные черты. Вселенная неизменно представлялась поэту ледяной пустыней, солнце — «сердцем Божьим», эту пустыню согревающим, луна — «шелковым веером», охлаждающим душу, обмахивающим «любовь с лица», а звезды двигались «одинокими путями вечного суда», с которых их могла столкнуть только любовь. Поэтическая вселенная Костица объемна, в ней органично присутствуют религиозные атрибуты в их прямом значении посредничества между небом и землей. Философское видение мира придает его творчеству строгость, многомерность и глубину, хотя иногда метафоры приобретают болезненную утонченность и невнятную субъективность, произведения кажутся рассудочными. Порой даже возникает впечатление, что Костиц писал ради неожиданного эффекта, во имя принципиальной установки на ироническую игру со странностями и парадоксами. Возникла поистине барочная пластика, которая любую абстракцию превращала то в полнокровный образ, то в аллегорическую картину.

Во многих стихах поэт множит метафоры «скрещения» в человеке разных начал: «болота» и духа, красной крови и черной (венозной), «груды» и «нижней утробы», «альфы и омеги». В поэтическом манифесте Костица «Между явью и меж сном» речь идет о вдохновении как состоянии «не сна и не яви», но чего-то третьего, что присуще только творцам: вне этого состояния сам поэт уже не может разобрать рисунок сплетенного им «кружева». Когда человека настигает вдохновение, он словно расстается с телом и переходит в область чистой душевности: произведение искусства возникает в борьбе между сердцем и разумом, между воображением, интуицией и сознанием. Несмотря на перенасыщенность некоторых текстов

стилевыми элементами, призванными усилить эмоциональную и риторическую выразительность, наряду со стихами, рассчитанными на эффект, у Костица много других, бесхитростно напевных и абсолютно искренних. Возлюбленная в его стихах отождествлялась с вилой, феей славянских поверий. Она играла роль музы и служила символом душевных состояний поэта, его стремления к дематериализации, «ускользанию» от «внешних» обстоятельств.

Последнее стихотворение Костица «Santa Maria della Salute» — пятнадцать октав с рефреном, вынесенным в заглавие, — заключает в себе в сжатой, рафинированной форме многие особенности его творчества в целом. При жизни автора оно замечено не было, зато посмертно поднято на пьедестал как блистательный венец эпохи сербского романтизма. Поводом для стихотворения была поздняя любовь поэта к молодой девушке, которая в 1895 году неожиданно умерла (до конца своей жизни поэт вел на французском языке дневник посмертного общения с возлюбленной). Лирический герой перед моральной дилеммой: имеет ли он право на эту любовь? В тяжелой борьбе «мозга и сердца, разума и вожделения» победил мозг, который «мудро» (а в сущности, «глупо») решил бежать от счастья. Возлюбленная умерла, для поэта наступил «конец света» и «страшный суд». В ответ на отказ от любви «помрачаются солнца... гаснут звезды, рай ударяется в плач...». Образ утраченной любимой женщины соединен с мотивом всемирной тоски и возвышенной, неземной красоты. Свою «лебединую песню» Костиц вынашивал десятилетиями, а писал больше десяти лет. В ней он достиг кульминации своего творчества: мелодического совершенства, высокой упорядоченности динамической композиции (построенной как восхождение к небу), сложной взаимосвязанности символических значений, знаменующих постепенное одухотворение страданий, их преобразование в восторг.

Образ Богородицы появлялся в стихах Костица в течение всей жизни. Он то уравнивал культ Девы Марии с «католическим мадоннизмом», то видел в ней идеальную женщину, вечную Матерь Мира, в образе которой соединились «тот» и «этот» миры, богоматерь и реальные женщины, его музы и возлюбленные. «Santa Maria della Salute» стала знаком возвращения мятежного вольнодумца в лоно церкви, его примирения с миром. Поэт пережил драматическую эволюцию: от вдохновенного романтизма и экзальтированной борьбы за права сербов, через отчаянный скептицизм, до христианской мистики. Бунтарь, он искал новые пути, фантазию и вдохновение ставил выше действительности, соединил творческий процесс с его теоретическим осмыслением, создал впечатляющие символические образы, открыл новые значения и звучность поэтического языка, ввел в сербскую поэзию ямб и свободный стих, тонкую оркестровку на основе смешения и преодоления разных стилей. В XX веке его творчество вошло в золотой фонд сербской литературы, а сам поэт стал считаться зачинателем художественных течений нового столетия.

М. Карасёва

Снове снивам...

Снове снивам, снујем снове,
снујем снове бисерове,
у сну живим, у сну дишем,
ал' не могу ситне снове,
не могу их да напишем.

Снове снивам, снове снујем,
у слике бих да их кујем,
ал' су санци полетанци,
не могу их да прикујем
срцу моме лаганоме.

Ал' наслони на те снове
твоје груди бисерове,
две ледене бисер капи:
та би студен смрзла снове,
све те слике следила би.

Прометеј

[ОДЛОМАК]

На камену високом прикован
у окову се поноси титан,
поругљивим се баца погледом
на Олиммос, на душмана му дом.
На Олимпосу је пировање, част,
међ боговима њему у пропаст;
пехарима се златним куцају,
од откуцаја горе пуцају,
а човек бежи неда'нимице
у гудуре, у мрачне станице;
ал' не дршће Прометеј, не дршће титан
на камену, на станцу прикован,
већ оковима бије о стење,
о стењу пршти сужно прстење,
а из грла се ори грдан смеј,
та доста грдан да га чује Зеј!
То воле људи, воле робови,
ал' Зеј се стреса, Бог над Богови';
стаде му реч у грлу узану,
напитак му на усни усану,
из божје руке пехар испусти,
од пехара се море запљушти,
те бурним валом гњева студена
запљускује титану колена; —

Снятся сны...

Снятся сны мне, сны-грустинки,
сны грустинки-бисеринки,
я во сне живу, дышу,
эх, бесплотные картинки,
я уж вас не запишу.

Снятся сны мне, снятся сны,
брехуны да летуны,
мне их в плоть не заковать,
в памяти не удержать,
никогда не запоёт сердце тихое моё.

Но падёт на эти сны
пара капель ледяных,
грудь твоя — жемчужный лёд —
стужей заморозит сны,
все картинки льдом скуёт.

Прометей

[Фрагмент]

К скале-горе прикованный титан
кричит с насмешкой Зевсу: «Эй, ты там!
Тучегонитель! Знай же, для меня
твой грома — что щепки для огня!»
А на Олимпе пир идёт горой,
льстецы жужжат, как тот пчелиный рой.
В самом разгаре пьяная игра,
от звона кубков дрогнула гора.
И смертные, в испуге и тоске,
укрыться ищут в дальнем далеке,
бегут в ущелья, в тёмные леса,
с тревогою глядят на небеса.

Лишь Прометей, прикованный к скале,
хохочет громко в обступившей мгле.
И цепь из меди, за кольцом кольцо,
упрямо плющит, отерев лицо.
Раб стерпит всё, права его малы,
но Зевсу ли терпеть его хулы!
И рассердился над богами бог,
швырнул на землю молнии клубок
и в раздраженье кубок уронил.
И вот река, широкая как Нил,
на Прометея хлынула с горы,
сметая все пастушечьи шатры.

ал' не дршће Прометеј, не дршће титан,
на камену, на станцу прикован!
Из грла му се опет ори смеј,
и опет дршће силни боже Зеј!
У титанину море мисли ври,
узаврели му осећаји сви,
ал' везан је Прометеј, везан је титан,
на камену, на станцу прикован,
те не мож' сила мисли врелије
стеновито да чело прелије,
да разаспе по земљи благослов,
а у небо да дигне потоп нов,
и борбу правде, борбу поноса,
прот силе саме, прот Олимпоса!
Ал' слуги Зеј грозовит потоп тај,
прислушкује му манит запљускај,
и опет стрепи неустрашив Зеј,
и опет онај титанинов смеј!
И Зеј већ види слободан свој плен,
разнето небо, Олимп потопљен,
и себе сама милост просећа,
већ ледне вале к'о да осећа, —
потресло га је, задрхт'о је скроз,
у колених му чисто зимогроз,
и још титански тај подругљив смеј —
да силан роб! ох, да сиромах Зеј!
У страху Зеј са стрепна колена
свог орла шиље глађу морена,
да једе роба, да му вади плућ,
нек с' онда смеје Богу с' ругајућ!
И оде ор'о зраком пливајућ
и стаде јести титанску му плућ;
ал' чим нарасте — опет онај смеј,
ниједна реч, већ смеј и опет смеј —
да пукне силан од љутине Зеј,
де њему смејом пркоси јунак,
а он још на то свој да даје зрак!
Ал' зна то јунак, знаде то титан,
зато се смеје сужањ, прикован,
та зато поруга, та зато смеј,
и зато грми од љутине Зеј!

Певачка 'имна

Гласова певче, Јоване,
 свој храм обнови свет,
обнови песме потоње,

И гнев, что Зевс в груди своей копил,
со всех сторон титана обступил.

А Прометей, прикованный к скале,
хохочет громко в обступившей мгле.
И этот смех — опаснее, чем яд,
и грозный Зевс тревогою объят.
Как утишить, как усмирить врагов,
ведь смех титанов — это смерть богов.
И мысль его, тревожна и горька,
уже прошла сквозь годы и века.
И видит он, чем кончилась война,
и слышит он, как плещется волна.
Размыт Олимп — священная гора,
гуляют над пустынею ветра.
И времени могучая река
прихлынула к нему издалека.
И видит он себя за той рекой,
стоящего с протянутой рукой.

А Прометей, прикованный к скале,
хохочет громко в обступившей мгле!
О, этот смех вчерашнего раба!..
Как жизнь непредставима и груба.
И бог богов сгоняет хмурь с чела
и шлёт к скале голодного орла:
чтоб там орёл дневал и ночевал,
чтоб печень нечестивцу истребал.
Пусть болью он исходит кровяной,
не будет насмехаться надо мной.

А Прометей, прикованный к скале,
хохочет громко в обступившей мгле!
Стоит, главы пред богом не клоня,
принесший людям веточку огня.
Кричит с усмешкой Зевсу:
«Эй, ты там!» —
К скале-горе прикованный титан.
И смех его, река без берегов,
перекрывает вечный смех богов.

Певческий гимн

Певец Иоанн, возводи
музы́ки святу́ю обитель,
за нотою ноту клади,

ЛАЗА КОСТИЋ

у слусима нек потоне
несносив очиглед!

У темељ *бас* нек удри стен,
подривљив неимаре,
нек буди многу тужну сен
из костурнице старе,
да махне мошти, — успомен
да носи пред олгаре!
Гласова певче, Јоване,
свој храм обнови свет,
обнови песме потоње,
у слусима нек потоне
несносив очиглед!

Баритон мушки нека зид
за светилиште гради,
у непроглед, у непрокид,
незваној неверади,
а ступове у недовид
слободи, вери, нади!
Гласова певче, Јоване,
свој храм обнови свет,
обнови песме потоње,
у слусима нек потоне
несносив очиглед!

А свод нек диже *тенор* смео,
к'о руке кад се здруже,
у молитви се Богу свео
за нездружене душе,
довршит храм да пусти цео
ил' — и то нека руше!
Гласова певче, Јоване,
свој храм обнови свет,
обнови песме потоње,
у слусима нек потоне
несносив очиглед!

Ал' омладино, гласе мој,
на вршку ти ми чуј се!
Ти јабуку, Адамов плод,
узнеси на врхунце,
ил' место ње нек млади пој
допоје с неба сунце! —
Гласова певче, Јоване,
свој храм обнови свет,

за песнею песню веди
в свой солнечный храм, небожитель!

Пусть ляжет в фундамент скала —
творение зодчего — *баса*,
тверда, словно клёкот орла
в тумане рассветного часа.
Пусть копит алтарная мгла
печаль ясноглазого Спаса.
Певец Иоанн, возводи
музыки святую обитель,
за нотою ноту клади,
за песнею песню веди
в свой солнечный храм, небожитель!

Пусть стены кладёт *баритон*
согласно божественной мере,
у входа возводит пилон
и стаю летящих колонн —
к свободе, надежде и вере.
Певец Иоанн, возводи
музыки святую обитель,
за нотою ноту клади,
за песнею песню веди
в свой солнечный храм, небожитель!

Пусть *тенор* отважный в конце
возводит шатровую крышу,
в её рукотворном кольце
молитва пусть рвётся всё выше.
Пусть думают все о творце,
сладчайшее пение слыша.
Певец Иоанн, возводи
музыки святую обитель,
за нотою ноту клади,
за песнею песню веди
в свой солнечный храм, небожитель!

Божественной юности глас,
на самой вершине раздайся,
в указанный Господом час
во власть песнопенья отдайся,
на самом верху разрыдайся
от счастья, о юности глас!
Певец Иоанн, возводи
музыки святую обитель,

ЛАЗА КОСТИЋ

обнови песме потоње,
у слусима нек потоне
несносив очиглед!

Стварање света

Бог је сков'о сунце
од сувога злата,
ковницу голему
небесних дуката;

Бог је сков'о звезде,
ситне сребрњаке,
Бог је сков'о месец,
талир међ петаке;

Бог је сков'о земљу,
потуру велику,
приков'о је на њу
своју царску слику.

То големо благо,
овејану славу,
закључ'о је тврдо
у кутију плаву; —

час по час отвара
ту кутију света,
а кад год отвара,
потуру загледа.

Еј, несрећо...

Еј, несрећо земљо,
ти блуднице светска,
пунија си греха
него што си песка.

Та то нису горе,
то планине нису
што се тамо модре
у големом низу;

већ маснице то су
твога грешног тела,
Бог је тебе шиб'о
за прецрна дела.

за нотою ноту клади,
за песнею песню веди
в свой солнечный храм, небожитель!

Сотворение мира

Бог выковал солнце
из чистого золота —
монетный двор
небесных дукатов;

Бог выковал звёзды —
горсть медяков —
и месяц — талер
среди пятаков;

Бог выковал землю,
монету великую,
на ней отчеканил
свой царский лик он.

И это сокровище,
славу и силу
накрепко запер
в шкатулке синей:

порой отворяет
шкатулку света;
когда отворяет —
глядит на монету.

Эх, несчастная...

Эх, несчастная земля,
блудница мирская,
ты полна грехов,
как песка.

Это ведь не горы,
не вершины,
то, что там синее
в ямах-низинах,

а кровоподтёки
грешного тела:
Бог тебя выпорол
за чёрное дело.

ЛАЗА КОСТИЋ

Летећи по свету
у мукама љутим,
маснице си гнојем
нагнојила жутим;

маснице су много
примамиле псето,
да ти лижу тело,
рањаво, проклето.

Они лижу твоје
скупоцено блато,
лижући се теше:
то је, веле, злато.

Еј, несрећо земљо,
ти блуднице светска,
пунија си греха,
него што си песка.

Звоно

Звоно, звоно мало,
што те, звоно, боли,
те се тако тужно
разлежеш по доли?

И моје је срце
завонило јако,
по моји' се груди'
разлеже једнако.

Срце моје звони
од тешкога клатна,
то је клатно тешко
њена слика златна.

Међу јавом и мед сном

Срце моје самохрано,
ко те дозва у мој дом?
неуморна плетисанко,
што плетиво плетеш танко
међу јавом и мед сном.

Срце моје, срце лудо,
шта ти мислиш с плетивом?

И летя по свету
в муке постылой,
синяки ты гноем
жёлтым нагноила;

эти раны многих псов
приманили,
плоть проклятую они
лизали и выли.

Лижут псы твою грязь
и скулят от голода,
лижут и ликуют:
это, мол, золото.

Эх, несчастная земля,
блудница мирская,
ты полна грехов,
как песка.

Колокол

Колокол, колокол маленький,
что у тебя болит?
Зачем же ты так печально
разносишь звон по долине?

И сердце моё нечаянно
полнится гулким звоном,
в груди моей звон отчаянья
поёт-гудит монотонно.

Сердце моё звонит,
колокол тяжело бьёт,
в этом звоне звучит
лик золотой — её.

Между явью и меж сном

Моё сердце, мастерица,
кто позвал тебя в мой дом?
сны плетёшь неутомимо,
кружева твои незримы
между явью и меж сном.

Сердце бедное, что станет
с этим кружевом потом?

ЛАЗА КОСТИЋ

к'о плетиља она стара,
дан што плете, ноћ опара,
међу јавом и мед сном.

Срце моје, срце кивно,
убио те живи гром!
што се не даш мени живу
разабрати у плетиву
међу јавом и мед сном!

Дим

Лулу пије Селим-паша,
љуби ћилибар,
уза њ љуби кауркињу,
свако по типар.

Задимио Селим-паша
нештедимице,
на прозору дим се вије
чак до гредице.

Дим на стаклу тамно пише
чудновати шар,
мрке брке, мор-доламе,
дуги џевердар.

«Погле, пашо, што се дело
на врх горама? —
мрки брци, мрко чело,
мрка долама!»

«Ваљда, чедо, помркује
какав стари брест!»
Ал' у цури све силније
зла се буди свест.

И опет се задимио
жути ћилибар,
и опет се поновио
чудновати шар.

«Зар не видиш облак црни?
Зло је по нама!
Мрко чело, мрки брци,
мрка долама».

ты само ещё не знаешь,
то плетёшь, то распускаешь
 между явью и меж сном.

Моё сердце, сердце злое,
 чтоб тебя ударил гром!
не даёшь мне позволения
кружев разгадать смятенье
 между явью и меж сном!

Дым

Кто посасывает трубку
 важно, не спеша,
обнимаючи голубку?
 Сам Селим-паша!

С ним прекрасная гяурка...
 Коромыслом дым!
Чёрен потолок, как чурка,
 над плечом крутым.

Дым выводит, вьётся-свищет
 вензелей обман:
длинное ружьё, усищи,
 чёрный доломан...

— Погляди, паша, скорее!
 Не пойму сама:
ружья там, усы чернеют,
 доломанов тьма?..

— Что, дитя, тебя тревожит?
 Там лишь вяз... — Но ах!
Всё сильнее сердце гложет
 безотчётный страх.

Над янтарной трубкой вьётся,
 развлекает взор,
только в руки не даётся
 сумрачный узор.

— Неужель не слышишь — ропот,
 гул и гром грозы?
Чёрных доломанов пропасть,
 ружья и усы! —

ЛАЗА КОСТИЋ

Селим-паша мирно пије
жути ћилибар, —
све се гушће стаклом вије
чудновати шар.

«Леле мени, жалосници,
сад је баш одја'о!»
Тек што рече, на ложници
шкрипну врата — јао! —

Шкрипну врата на дворани
шумом, шкрипетом,
међ доврази јунак стоји
с пушком запетом.

Оклоп-лула, чибук црни
цев је голема,
мрко чело, мрки брци,
мрка долама.

Задимио чибук страшни
нештедимице,
на прозору дим се вије,
чак до гредице.

Буновно се дим за димом
вије ко и пре,
на прозору слике шара
од којих се мре.

Рајо, тужна рајо...

Рајо, тужна рајо, кад се тебе сетим,
не бих да ти певам, већ бих да те светим.

Да те светим, света горо, облистана
од увела, бледа, турска ћулистана.

Што му вене ружа већ под гором црном,
па опет кукавну земљу копа трном.

Из туђе је света, престала да руди,
па би да се шкропи из крвавих груди.

Еј, а де је сунце, да се њиме суше
те кржаве капље са увеле руже?

Но паша в ответ смеётся
 да целует: «Вздор!»
 Только дым всё гуще вьется,
 всё мрачней узор.

— Вот и пробил час прощальный!
 И не счесть потерь! —
 И в ответ в опочивальне
 распахнулась дверь.

Всё как рухнуло куда-то:
 кто одет? кто наг?
 И в дверях предстал усатый
 молодой юнак.

— Ты зачем, юнак нескромный,
 к нам сюда вошёл?
 Что ж чубук такой огромный?
 Чёрен так, тяжёл? —

Но чубук как пыхнет жаром —
 и оттуда дым!..
 Знать, юнак пришёл недаром —
 на погибель им!

...И дымы всё гуще вьются,
 слившись в круговерть.
 Всё страшней узоры льются,
 захлестнут — и смерть.

Братья-христиане...

Братья-христиане, вам песен не пою я,
 вас я вспоминаю — за вас отомщу я.

Отомщу я за тебя, о, гора святая,
 турецким розарием тусклым залитая.

Увядает роза под горою чёрной,
 земля наша бедная зарастает тёрном.

Роза в мире чужом алеть не желает,
 даже когда кровь её окропляет.

Эй, да где же солнце, пусть оно откроет
 в той увядшей розе капли вашей крови!

ЛАЗА КОСТИЋ

Да осуши капље, да ружу изгори,
да остане за њом тек мирис у гори.

Из тога мириса песма да заори
кад се јарко сунце занавек разгори.

Еј, а де је сунце? питам српске горе,
а оне ми веле: и у теби, море!

Рајо, тужна рајо, кад се тога сетим,
не бих да ти певам, већ бих да те светим.

Дон Кихоту

Кад зареде нове беде,
кад се смркну бели дани,
кад потамне и побледе
зраци надох изасјани,
непогода невидовна
кад ми сломи крила пловна,
па, док снова не узлетим,
хоћу мало заветрине,
тад се навек тебе сетим,
будаљине Саведрине.

Кад ме лепо чедо мамне,
те за њоме свест заблуди,
мрежом густом косе прамне
заклони ми поглед људи,
мраком светлим очи тамне
ужгу сунце ми у груди,
па кад махом сунце зађе,
а с очију мрежа сађе,
у облаку мојих јада
једна ми је паведрина:
знадем како и ти страда,
будаљино Саведрина!

У скупштини кад се граја
дигне на глас мудре речи,
мора да се ум притаја
кад се лудост пред њим печи,
у жестини окршаја
ветрењача многа звечи,
кад је глави друго место,
а трбух се за све брине:
сећам те се врло често,
будаљине Саведрине.

Пусть её овеет палящим сияньем,
чтобы роза была лишь благоуханьем.

В том благоуханье вновь песня возродится,
если солнце навсегда жарко разгорится.

«Эй, да где же солнце!» — закричал я, но
горы сербские сказали: «И в тебе оно!»

Братья-христиане, вам песен не пою я,
вас я вспоминаю — за вас отомщу я.

Дон Кихоту

Как зарядят снова беды,
как померкнут дни и ночи,
как погаснет луч победы,
а ненастье глянет в очи,
как крыло заломит буря,
свергнет с неба в омут бурый
(поднимусь ли я — не знаю,
хоть укрыться бы от ветра), —
так тебя я вспоминаю,
стойкий рыцарь Сааведры.

Как оглянется красотка,
и замечется мой разум,
смех прогонит, будто плёткой,
стыд с благоразумьем разом,
как девчонка, вырвав чётки,
подмигнёт лукавым глазом,
а потом оставит — вижу:
не люблю, не ненавижу,
просто снова обознался,
Пенелопа ль это, Федра... —
вспомню: так же ошибался
пылкий рыцарь Сааведры.

Как закаркают вороны,
возмутившись мудрым словом,
ум забьётся в оборону
от безумцев наглых снова,
мельница гремит сурово
сквозь горячку боя злого
(там утроба — не наполнить,
в голове сплошные ветры), —
как тут о тебе не вспомнить,
славный рыцарь Сааведры!

ЛАЗА КОСТИЋ

Кад се после дуге ноћи
 јаве зраци нове зоре,
те помислим сад ће доћи
 слобода на наше горе,
да ће хтети, ко ће моћи,
 дићи народ Богу горе,
те ће бити један, срећан,
 неће бити Саве, Дрине,
и опет се тебе сећам,
 будалине Саведрине!

Ал' кад видим паметаре
 где с' клањају шупљој сили;
кад јунаке видим старе
 где их скотска наслад гњили,
те сад оно пале, жаре,
 чем' су били борци чили;
да желуцу није сметње,
 мач отпашу са бедрине: —
таке слике нису вредне
 будалине Саведрине.

Santa Maria della Salute

Опрости, мајко света, опрости,
 што наших гора пожалих бор,
на ком се, устук свакоје злости,
 блаженој теби подиже двор;
презри, небеснице, врело милости,
 што ти земаљски сагреси створ:
кајан ти љубим пречисте скуте,
Santa Maria della Salute.

Зар није лепше носит лепоту,
 сводова твојих постати стуб,
него грејући светску грехоту
 у пеп'о спалит срце и луб;
тонут о броду, трунут у плоту,
 ђаволу јелу а врагу дуб?
Зар није лепше вековат у те,
Santa Maria della Salute?

Опрости, мајко, много сам страд'о,
 многе сам грехе покај'о ја;
све што је срце снивало младо,
 све је то јаве сломио ма';

Если после долгой ночи
 всё ж взыграют в небе зори,
 и рассудка вольный почерк
 упразднит вражду и ссоры,
 и свобода захлопочет,
 исцеляя наши горы,
 где народ предстанет счастлив
 (ведь границы нет ни метра!), —
 вижу в том твоё участие,
 мудрый рыцарь Сааведры.

Но когда смотрю я: старец
 позабыл былую доблесть,
 люди с памятью вдруг стали
 прихвостнями лжи и догмы,
 светлые сердца из стали
 полонил желудок добрый
 (меч с бедра — долой, чтоб вольно
 наслаждаться снедью щедрой), —
 стыдно пред тобою, больно, —
 славный рыцарь Сааведры!

Santa Maria della Salute*

Матерь святая, прости мне, прости,
 что к твоему я приблизился храму;
 он мне открылся на долгом пути,
 вписан строителем в горную раму.
 Грешник, как жаждал его я найти,
 как торопился к нему я упрямо.
 Жизнь моя ныне меняется круто,
 Santa Maria della Salute.

Разве не лучше нести красоту,
 быть не жердиной гнилого забора,
 а устремившись душой в высоту,
 стать величавой колонной собора;
 разве не лучше лелеять мечту,
 чем предаваться угрюмому спору?
 Века длиннее святая минута,
 Santa Maria della Salute.

Матерь святая, я много страдал,
 мерзостей всяких я видел немало,
 всё, что я в сладких мечтах нагадал,
 горькая явь у меня отнимала.

* Во славу Святой Марии (*ит.*).

ЛАЗА КОСТИЋ

за чим сам чезн'о, чему се над'о,
 све је то давно пеп'о и пра'
на угод живу пакости жуте,
Santa Maria della Salute.

Тровало ме је подмукло, гњило,
 ал' ипак нећу никога клет;
што год је муке на мене било,
 да никог за то не криви свет.
Јер, што је души ломило крило,
 те јој у јеку душило лет,
све је то с ове главе са луде,
Santa Maria della Salute!

Тад моја вила преда ме грану,
 лепше је овај не виде вид;
из црног мрака дивна ми свану,
 к'о песма славља у зорин свит,
сваку ми махом залечи рану,
 ал' тежој рани настаде брид.
Шта ћу од миља, од муке љуте,
Santa Maria della Salute?

Она ме гледну. У душу свесну
 још никад такав не сину глед;
тим би, што из тог погледа кресну,
 свих васиона стопила лед,
све ми то нуди за чим год чезну',
 јаде па сладе, чемер па мед,
сву своју душу, све своје жуде,
— сву вечност за те, дивни тренуте! —
Santa Maria della Salute.

Зар мени јадном сва та дивота?
 Зар мени благо толико све?
Зар мени старом, на дну живота,
 та златна воћка што сад тек зре?
Ох, слатка воћко танталска рода,
 што ниси мени сазрела пре?
Опрости моје грешне залуте,
Santa Maria della Salute.

Две се у мени побише силе,
 мозак и срце, памет и сласт.
Дуго су бојак страховит биле,
 к'о бесни олуј и стари храст.
Напокон силе сусташе миле,
 вијугав мозак одржа власт,

Чтобы я дьяволу душу отдал,
 мгла запустенья меня обнимала,
 в сердце вгрызались сомнения люто,
 Santa Maria della Salute.

Но никого не кляню, не виню
 за пережитые долгие муки.
 Я благодарен живому огню,
 что опалил мои старые руки.
 В скорбной душе навсегда сохраню
 первых молений высокие звуки.
 Мгла расточилась, разорваны путы,
 Santa Maria della Salute.

Дивная вила взошла надо мной,
 светлое чудо из мрака явилось,
 словно над дальней грядюю лесной
 радуга вдруг зацвела, засветилась,
 словно из дремлющей рощи ночной
 вдруг соловьиная песня родилась.
 Пряно запахла весенняя рута,
 Santa Maria della Salute.

Нету спасенья от этой любви,
 всё в ней — и горечь, и боль, и услада,
 пламя восторга бушует в крови,
 пылкому сердцу спасенья не надо.
 Жизнь за мгновенье отдам, позови,
 испепеленье мне будет отрадой;
 жертвую вечностью ради минуты,
 Santa Maria della Salute.

Разве нужна старику красота,
 думаю я иногда в укоризне,
 разве уже не подбиты счета
 всей моей грешной и горестной жизни?
 Как запоздала созреть ты, мечта!
 Соком на душу усталую брызни,
 искрой сверкни над серостью трута,
 Santa Maria della Salute.

В долгом сраженье схватились во мне
 сердце и мозг, наслаждение и разум,
 так же, как сходятся в вечной войне
 яростный ветер с раскидистым вязом.
 Мозг победил моё сердце вполне,
 верил я больше не чувствую, а фразам,

разлог и запон памети худе,
Santa Maria della Salute.

Памет ме стегну, ја срце стисну,
 утекох мудро од среће, луд,
утекох од ње — а она свисну.
 Помрча сунце, вечита студ,
гаснуше звезде, рај у плач бризну,
 смак света наста и страшни суд.
О, светски сломе, о страшни суде,
Santa Maria della Salute!

У срцу сломљен, збуњен у глави,
 спомен је њезин свети ми храм.
Тад ми се она одонуд јави,
 к'о да се Бог ми појави сам:
у души бола лед ми се крави,
 кроз њу сад видим, од ње све знам
зашто се мудрачки мозгови муте,
Santa Maria della Salute.

Дође ми у сну. Не кад је зове
 силних ми жеља наврели рој,
она ми дође кад њојзи гове,
 тајне су силе слушкиње њој.
Навек су са њом појаве нове,
 земних милина небески крој.
Тако ми до ње простире путе,
Santa Maria della Salute.

У нас је све к'о у мужа и жене,
 само што није брига и рад,
све су милине, ал' нежежене,
 страст нам се блажи у рајски хлад;
старија она сад је од мене,
 тамо ћу бити доста јој млад
где свих времена разлике ћуте,
Santa Maria della Salute.

А наша деца песме су моје,
 тих састанака вечити траг;
то се не пише, то се не поје,
 само што душом пробије зрак.
То разумемо само нас двоје,
 то је и рају приновак драг,
то тек у заносу пророци слуте,
Santa Maria della Salute.

разум стал главной моею валютой,
Santa Maria della Salute.

Разум мне сердце запретами сжал,
 разум мне корма подкидывал в ясли.
Я как безумный от счастья бежал.
 Солнце померкло, и звёзды погасли.
Сумрак унылый меня окружал.
 Знал я одну лишь молитву — без страсти.
Хаос сменился бессильем уюта,
Santa Maria della Salute!

Память меня возвращает порой
 к тем запустелым священным руинам.
Встанет былое, как храм под горой,
 густо заросший вербеной и тмином.
Сквозь сожаленье иду, как сквозь строй,
 к Богу иду по знакомым долинам,
к ней возвращаюсь из сумрака смуты,
Santa Maria della Salute.

К ней отлетает мечтанье моё
 роем нахлынувших воспоминаний.
Тайные силы — служанки её,
 добрые феи запретных желаний.
Логика, все твои страхи — враньё,
 я обойдусь без твоих указаний.
Мгла расточилась, разорваны путы,
Santa Maria della Salute.

С ней мы отныне — как муж и жена:
 счастье без муки, страсти без зноя,
нашей любви золотая страна —
 в райской прохладе, как роща весною.
Кто из нас опытней — я иль она? —
 узнано будет и ею и мною
там, где уравнины век и минута,
Santa Maria della Salute.

Песни мои — наши общие дети,
 дети мечтаний и дети свиданий;
только мы двое и знаем на свете,
 кто победитель, а кто из нас данник,
кто и когда пробуждает в поэте
 новую музыку новых созданий.
В миг прорицанья пророки поймут их,
Santa Maria della Salute.

ЛАЗА КОСТИЋ

А кад ми дође да прсне глава
од тог живота хридовит крај,
најлепши сан ми постаће јава,
мој ропец њено: «Ево ме, нај!»
Из ништавила у славу слава,
из безњенице у рај, у рај!
У рај, у рај, у њезин загрљај!

Све ће се жеље ту да пробуде,
душине жице све да прогуде,
задивићемо светске колуте,
богове силне, камоли људе,
звездама ћемо померит путе,
сунцима засут сељенске студе,
да у све куте зоре заруде,
да од милине дуси полуде,
Santa Maria della Salute.

Время придёт, и моя голова
треснет, ударясь об угол эпохи.
В хрипе предсмертном услышу слова:
«Вот она я!». А не «ахи» и «охи».
Молодость, ты бесконечно права,
не соблазняясь на жалкие крохи.
Мы удивим и людей, и богов,
вызволим души из тяжких оков,
выйдут желанья из всех берегов,
страхи покинут жилище мозгов,
всюду растопится стужа снегов,
вспыхнут цветы всех весенних лугов,
звезды сойдут с орбитальных кругов,
вмиг обессилеет сила врагов,
души спасутся от ярости лютой,
Santa Maria della Salute.

ВОИСЛАВ ИЛИЧ. ВОЈИСЛАВ ИЛИЋ

Поэт, критик, публицист. Родился 14 апреля 1862 в Белграде (Сербия) в многодетной семье поэта, юриста и политика Йована Илича. Предтеча символистского перелома в сербской поэзии. Окончил три класса гимназии; затем получал домашнее образование и был вольным слушателем белградской Великой школы. Переводил русскую поэзию (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. Н. Плещеев, В. И. Туманский) и произведения Гомера, У. Шекспира, И.-В. Гёте, Ф. Шиллера, К.-Ф. Геббеля, К. Брентано (с русского). Служил корректором в типографии, сельским учителем, писарем в министерстве внутренних дел, был на дипломатической службе. Добровольцем участвовал в сербско-болгарской войне. Подвергался арестам за политическую деятельность. Умер от туберкулеза 21 января 1894 в Белграде (Сербия).

Книги поэзии: *Песме* (1887); *Песме* (1889). Важнейшие собрания поэтических произведений: *Песме* (1–2, 1907); *Целокупна дела* (1–2, 1922); *Сабрана дела* (1–2, 1961); *Песме* (1976); *Песме* (1–3, 1981). Поэзия издавалась в переводе на русский язык.

Воислав Илич — поэт, увенчанный лаврами основоположника современной поэзии, — всю жизнь ощущал на себе давление монархо-бюрократической власти. Его художественные взгляды сложились под влиянием атмосферы родительского дома. Здесь он с детства встречался с поэтами Йованом Йовановичем-Змаем, Джурой Якшичем, Лазой Костичем, воспринял революционно-демократические и национально-освободительные идеи. Продолжая традиции отца, чей дом называли «русским клубом» (в годы сербско-турецкой войны здесь даже был штаб русских добровольцев), Воислав изучал русский язык, страстно увлекался русской культурой. Позднее он открыл для себя искусство Западной Европы, от Античности до самых современных тенденций. Кроме Воислава, писавшего стихи с раннего детства, из семерых детей ещё трое стали литераторами: Милутин и Драгутин — поэтами и драматургами, Жарко — театральным критиком, рассказчиком и переводчиком Шекспира.

Вместе с братьями Воислав посещал лекции по юриспруденции и истории литературы, писал патриотические оды, возвышенные гармоничные элегии и сатиры на правящий класс. Вступил в Художественное общество (во главе его стоял отец поэта, а выпускаемая им газета редактировалась братом Драгутином). Принимал участие в студенческих социалистических кружках, печатал стихи в радикальных изданиях, солидаризировался с противниками режима. Не мень-

шую активность проявляли и его братья (Драгутин, к примеру, выпускал сатирические брошюры, из-за которых ему пришлось бежать из Сербии). Лишенный возможности устроиться на государственную службу, Воислав, не имея надежных средств к существованию, пополнил тот слой интеллигенции, который в скупщине именовался «интеллектуальными отбросами». Женитьба на дочери поэта Джюры Якшича кончилась трагически: в скудных материальных условиях от болезни легких умерли его сын, жена и дочь.

Дальнейшая судьба его отмечена чертами неустроенного, богомного существования. Во время бесславной войны с Болгарией (1885) поэт был призван в армию рядовым. Вернувшись, он стал завсегда-таем белградских кафе, которые были своего рода трибунами политической жизни. Илич декламировал здесь свои сатиры, произносил обличительные речи. В стихотворении «Маскарад на Руднике» он в завуалированной форме призвал короля отречься от престола. Стихи были напечатаны в нескольких газетах, что привело к их закрытию и полицейскому преследованию редакторов. Илич объявил о своем авторстве, был заключен в тюрьму, однако скоро освобожден — благодаря вмешательству высоких покровителей, продуманной защите адвоката, но особенно благодаря своей популярности (в защиту поэта начались молодежные демонстрации).

Творчество Илича тех лет — мозаика жизни обреновичевской Сербии. Поэт с горечью подмечает всеобщую мелочность интересов и равнодушие. Сравнивает короля с кровавым Ричардом III, призывает «громить порок, пускай он даже облачен в порфиру», прославляет дни мести, которая грянет «с полей сражений и баррикад». Лейтмотив его творчества — господствующее всюду рабство. «Гражданская доблесть» изгоняется, страна полна иуд, народ подавлен, молодое поколение обмануто, вступает в жизнь с багажом ложных идей. Вместо факелов свободы коптят сальные свечи подневольной печати. Те, кто обязан бороться за общее дело, молчат, дремлют, поддакивают. Стихотворцы в пьяном угаре, не помышляя о пользе общества, воспевают выхолощенный, превратившийся в штамп патриотизм. Мысль о единстве южнославянских народов забыта, миллионы единокровных братьев на берегах Адриатики и на Балканах гибнут за корку хлеба.

Внешне в Белграде можно найти всё, что характеризует «цивилизованное» общество: школы, театры, партии, кипение газетных страстей, королевский двор, высший свет. И стар и млад здесь жаждет следовать моде, иметь хорошие «манеры», возникают новые «идеи», поднимаются на пьедестал «авторитеты», которые в либеральном запале и жажде скандала поносят друг друга, судятся, произносят цветистые речи о народном праве, налогах, министерских назначениях. Однако жизнь пронизана чудовищными злоупотреблениями, царят глупость и измена. Все — от мелкого чиновника до государя — захвачены коррупцией. Высшее общество состоит из сумасшедших, нарциссов и фанфаронов. Возглавляет уродливую процессию восседающий на троне порок. Крестьяне прозябают в бедности и необра-

зованности: они еще помнят о старых временах сербской славы, но не способны распознать причины своих бед.

Требовалась храбрость, чтобы в условиях полицейского государства выступить против его политики. Илич избрал путь жертвенной борьбы, обреченного упорства. Он не ждал снисхождения от властей предержавших и их слуг и хотел только одного: быть выше «грязного городского базара». Будучи сторонником народнической фракции радикальной партии, критиковал принятую скупщиной конституцию и саму партию — за то, что она отреклась от демократических идей. Его «Рабочая песня» стала гимном сербских рабочих, он сотрудничал в запрещенной прессе, написал программу общества «Объединенной молодежи», которое выступало в поддержку всех еще не освобожденных от иностранного владычества областей Хорватии, Боснии, Герцеговины и Македонии.

В пору своей наивысшей социально-политической активности Илич издал первый сборник стихов (1887). Кругозор его охватывал общечеловеческие темы, поэт чувствовал за плечами не только национальную, народную стихию, но и всю мировую культуру, в творчестве опирался на поэтов античных, западноевропейских и русских. Ему свойственно было принципиальное отношение к читателю как к думающему собеседнику, гражданину. Критика восприняла книгу недоброжелательно: поэта обвиняли в неуместном сентиментализме, в то время как Сербия «кровоточит». Зато новаторские устремления Илича прекрасно почувствовала молодежь и с воодушевлением откликнулась на воззвания своего кумира. Литературные журналы заполнились стихами, написанными ему в подражание. Случались казусы, когда его стихи перепечатывались под чужими именами.

В январе 1889 года Илич, открыто выступающий против проавстрийского курса Обреновичей, был удален из Сербии: ему дали незначительную должность при консульстве в Салониках. Изгнание длилось недолго; уже в феврале, после отречения короля Милана, он вернулся домой, но для его творчества была важна даже столь короткая поездка. Греция, которую он раньше отвлеченно воображал «колыбелью мудрости», страной божественной истины и классической поэзии, предстала перед ним во всей обнаженности реальных проблем: освободительной борьбы и социальной дисгармонии. Но судьба снова не дала поэту передышки: второй сборник его стихов (1889) был встречен критикой в штыки, вскоре умерла мать, затем старший брат Милутин. В своей стране Илич чувствовал себя чужим. Ему казалось, что с победой радикалов у трона столпились новые прихлебатели и краснобаи, моментально забывшие свои прежние народнические лозунги и планы.

И этой властью все Иличи были признаны неблагонадежными, одна за другой перед ними закрывались двери государственной службы. Воислав, уже знаменитый поэт, службу не потерял (он служил корректором в типографии), однако его начали едва ли не ежегодно призывать на воинские сборы. Материальное положение было тяжелым; во втором браке родилось трое детей. Однажды он

бросил всё и уехал наобум в Румынию, став учителем сербской школы в Турн-Северине. Здесь Илич пережил кардинальный перелом в своем творчестве. Он погрузился в субъективность, пытаясь проникнуть в скрытые значения окружающих предметов, символику обыденных вещей, их внутренние связи. В его стихах появилась зыбкость и многозначность, границы между объективной реальностью и переживаниями стерлись. Он оставил живописно-предметные приемы и переориентировался на акустику стиха, за видимой оболочкой предметов ощущая пульсацию незримого и таинственного. В стихотворении «Гимн веков» поэт с высоты воображаемого вне-временного пьедестала озирает человеческую историю и с бесконечной тоской оплакивает зыбкость всего, что имеет отношение к человеку.

Через год Илич вернулся в Сербию, но жизнь здесь вновь показалась ему невыносимой, и когда Бранислав Нушич предложил ему переехать вместе с ним в тогдашнюю турецкую провинцию Косово, на работу в консульство, он согласился без промедления и прибыл туда с семьей. Однако давно тлевшая в нем чахотка после переезда внезапно активизировалась, к тому же осенью его опять призвали в армию. На обратном пути он был задержан на сербско-турецкой границе, провел несколько дней в неотопляемом карантине, а в Приштине слег окончательно и больше не поднялся. Перестал принимать лекарства, в постоянном возбуждении что-то писал, затем уничтожал написанное. Его перевезли сперва в Скопье, затем в Белград, где он вскоре умер. Многолюдные похороны напоминали политическую демонстрацию. В печати открыто винули радикалов в том, что они ответственны за преследования и смерть поэта. Казалось, всем внезапно открылось его истинное значение.

Для Илича «своими» были все времена и все народы. Он никому не подражал и не чувствовал за собой никаких «долговых обязательств». Естественность и широта дарования помогали ему воспринимать влияния без ущерба для оригинальности собственного творчества. Поиски привели его к созданию поэзии, созвучной французским парнасцам (которых Илич, как доказывают историки, никогда не читал), а затем и символистам (в 1892 году в стихотворении «Клеон и его ученик» Илич впервые в сербской поэзии произносит слово «символ» в значении, близком бодлеровскому). Наряду с Лазой Костичем он словно бы стал для Сербии одновременно поэтом Возрождения, просветителем, классицистом, романтиком и реалистом. Он чувствовал себя и был на самом деле сербским патриотом и гражданином вселенной и старался выразить это свое «гражданство» в стихах со всей искренностью, на какую способен самобытный поэт, не признающий эстетских «поз» и рассматривающий свое творчество как общественное служение.

М. Карасёва

Звезда

Ноћ је ведре, блага,
Бледи месец сја,
У милини тоне
Васиона сва.

И звездице миле
Расипају зрак...
Само једна трепну,
Па је покри мрак.

Чија беше звезда?
Бог једини зна!
Спокојна је, мирна,
Васиона сва.

Старац

Стар сам, слаб сам, изнемог'о,
Прожима ми душу студ;
Борбе беше врло много,
Сада одмора хоће груд!

Заман, што ме разговара
Прошких дана спомен знан:
Мене мучи и обара
Неодољив неки сан —

Свршено је!... Поглед тужан
Укочено на свет сја:
Видим да већ није нужан
Нит' ко мени, — ником ја!

Стар сам, слаб сам, изнемог'о,
Прожима ми душу студ;
Борбе беше врло много,
Сада одмора хоће груд! —

Ал' ме ипак радост нека
Утешити лепо зна:
Много милих мене чека
У држави вечног сна!...

Звезда

Ночь светла... Сияет
Бледная луна.
Вновь заморозила
Землю тишина.

Звёзды рассыпают
Яркие лучи.
Вот одна упала...
Сердце, замолчи!

Чья звезда погасла,
Знает Бог один.
Мир — во всей вселенной,
Кроток сон долин.

Старик

Стар я, слаб, иссякла сила,
Стужа выстудила грудь.
И борений столько было,
Что пора и отдохнуть.

Тщетно память затевает
Речь на прежний свой фасон —
Сон меня одолевает,
Непреодолимый сон.

Всё кончается. Недужен,
Я смотрю на мир, во тьму,
Вижу: мне никто не нужен,
Я не нужен никому.

Стар я, слаб, иссякла сила,
Стужа выстудила грудь.
И борений столько было,
Что пора и отдохнуть.

Всё же среди дней постылых
Утешенье есть одно:
Ждёт меня так много милых
В царстве вечных снов давно.

Грм

Муњом опаљен грм на суром пропланку стоји,
К'о црн и мрачан див. И густе травице сплет
Горди му увија стас — и горски несташан лахор
Лелуја шарен цвет.

И зима дође већ, и својом студеном руком
Покида накит сав и гору обнажи сву,
Ал' многа зима још са хладним ветром ће доћи,
А он ће бити ту.

Зимско јутро

Јутро је. Оштар мраз спалио зелено лисје,
А танак и бео снег покрио поља и равни,
И сниски, тршчани кров. У даљи губе се брези
И круже видокруг тавни.

У селу влада мир. Још нико устао није,
А будан петао већ, живосно лупнувши крилом,
Поздравља зимски дан — и звучним ремети гласом
Тај мир у часу милом.

Ил' каткад само тек звиждање јасно се чује
И тежак, промук'о глас. То ловац пролази селом,
И брзе мамећи псе, погурен у поље жури,
Покривен копреном белом.

Свуда је пустош и мир. Ноћ на се кандила гасе —
А свежи, јутарњи дах прелеће долине мирне,
И шум се разлеже благ, кад својим студеним крилом
У голе гранчице дирне...

Пожарничка песма

Тиха поноћ земљу скрива,
Све спокојно снева сан
И милине рајске снови,
Док не сване бели дан. —
Ал' спокојство све док љуби,
Док царује ноћи крас,
Јасним гласом труба труби
И страшни се хори глас:
Тра-та-тра-та!

Дуб

Дуб, молнией сожжён, среди прогалин диких
Как чёрный, мрачный див встаёт из густоты
Зелёных трав, где горный бурный ветер
 Колеблет яркие цветы.

Вот и зима идёт... студеными руками
С холодных гор убор она срывает весь...
Промчится много зим над этою горою,
 А он всё будет здесь!

Зимнее утро

За ночь мороз прихватил ветки с листвою зелёной.
Мягкую шаль разостлал снег по полям и равнинам,
Выбелил кровли домов и отдалённые склоны
 На горизонте пустынном.

Тихое дремлет село в утреннем сумраке дымном.
Будят его петухи яростным хлопаньем крыльев,
Зимнюю славя зарю звонким приветственным гимном.
 Мрак поредел, обессилев.

Бегают по снегу псы. Слышите окрик басистый?
Это охотник спешит с ними в безлюдное поле.
Воздух от лая дрожит и от призывного свиста
 На заснеженном раздолье.

Всюду пустынно. В окне гаснет ночная лампада.
Зимней порою легко дышится в мирных просторах.
Утро студёным крылом тихо касается сада,
 Слышится ласковый шорох...

Песня пожарников

Тихой полночью укрыта
Вся земля, все смотрят сны,
Суматоха дня забыта,
Чист и ясен свет луны,
Всё спокойствием объято,
Ночи царствует краса...
Только вдруг — трубы раскаты,
Страшный грохот, голоса:
 Тра-та-та, тра-та-та!

И у мирном часу тада
Засија се румен жар,
Дом се руши, стреха пада
Стресајући дим и гар.
Отимље се сила беса
И развија грозну моћ —
Јаук лети под небеса
Кроз суморну, бурну ноћ:
Ватра, ватра!

Држ'те лестве, воду амо,
У пламену варош ври,
Ал' док врисак лети само,
Ту је помоћ, ту смо ми!
И понова све се губи,
Малаксава адска моћ —
И још само труба труби
У дубоку, мирну ноћ:
Тра-та-тра-та!

Последњи гост

Поноћ је одавно прошла. У крчми никога нема,
Осим крчмара старог, што згурен, крај топлог плама,
Претура дебелу књигу. Напољу мртвило влада,
И ситна кишица сипи и густа царује тама.

У том се куцање зачу. У крчму уиђе нагло
Чудноват некакав гост; усне му грозно се смеше;
Из празних шупљина очних студена пустош се шири,
У руци држаше косу. То самрт ледена беше.

Крчмар је дремао мирно, држећи дебелу књигу,
Кад самрт тихо му приђе и мирно стаде над њиме,
Па онда узеде перо с крчмарског прљавог стола,
И својом мртвачком руком записа сопствено име —

И затим у буцак оде. Из танке полутаме
Страшно се кезила отуд... Ветар је са влажном руком
Тресао прозоре мутне и тешка храстова врата,
Звиждећи кроз празну крчму суморним и страшним звуком.

Т

Под нама лисје шуштало је жуто,
Крај мене, душо, стајала си ти;

Кончен отдых — и тогда же
 Польшнул багровый жар.
 Рухнул дом, взлетает сажа,
 Валит дым, ползёт угар.
 Рвётся бешеная сила —
 Заревела во всю мочь,
 Загудела и завыла,
 Опалив пожаром ночь:
 Красно-та, страшно-та!

Быстро! Лестницы и воду!
 Всех пожарные спасут,
 Только крикни: «На подмогу!» —
 Вот и мы, мы тут как тут!
 Дело сделано, ребята,
 Силам ада уж невмочь —
 А вдали трубы раскаты
 Всё ещё тревожат ночь:
 Тра-та-та, тра-та-та!

Последний гость

Полночь давно миновала. Тихо в корчме опустелой.
 Только хозяин бессонный, сгорбившись, к пламени жмётся,
 Толстую книгу листая... Мир онемел, будто тело.
 Дождь моросит — аж мурашки. Тьма... И когда он уймётся?

Вот запостукивал кто-то — больно уж поздно нагрнул.
 Сталь во тьме полоснула холодно, весело, жутко!
 Баба — ни кожи, ни рожи! Что, непутёвая? Спьяну
 Дом не найдёшь? А косою поздно махать — не до шуток:

Видишь, корчмарь мирно дремлет, книга лежит на коленях...
 Смерть к очагу как подскочит — так вот огонь и отпрянул!
 Хвать вдруг чернила на ощупь между вином и вареньем —
 Да поперёк старой книги: «Смерть!» — нацарапала рьяно.

И растворилась в потемках — как куража не бывало!
 ...Сны корчмаря коченели над позабытою книгой.
 Высадил ветер окошко, и сквозняки бушевали,
 Дверью дубовой играя с хохотом диким и криком...

Т*

Прерывисто жёлтые листья шуршали...
 Предчувствием близкого зла смущены,

ВОЈИСЛАВ ИЛИЋ

Мирна си била, — ах, и ја сам ћут'о,
Обојим нама тужни беху сни.

Тавно бледило по чеоцу твоме,
К'о признак смрти, ширило се свуд,
Валови туге у тренутку томе
Бурно су моју таласали груд.

То беше предзнак, да ће скоро доћи
Растанка нашег нежељени час,
К'о дим, к'о магла да ће радост проћи,
И небо да ће раставити нас...

Удар судбине обиш'о ме није,
Из гроба заман дозивљем те ја;
Јесењи ветар у лице ме бије,
Природа ћути око мене сва —

Ћути, и живот гони својим редом,
Не види тугу, не разуме јад,
Ни вреле сузе по лицу ми бледом,
Ни смрћу твојом оборен ми над.

Лаку ноћ!

Лаку ноћ, лаку ноћ!
Сунце тоне за планине,
И последњи трне зрак;
Кроз пољане и долине
Прикрада се црни мрак.
Свуд спокојство тихо влада,
Лахор шуми, роса пада,
Лаку ноћ!

К'о шуштање мирног мора
Кроз тишину бруји глас,
То анђео поврх гора
Тихо слази међу нас...

Лаку ноћ, лаку ноћ!
Док не сване зора плава,
Док не гране бели дан,
По пучини заборава
Нек' нас води слатки сан. —
Мир је. Тихо, к'о уздаси,
Изумиру свети гласи...
Лаку ноћ!

Мы оба невольно и горько молчали,
Нам снились обоим тоскливые сны.

Как вестники смерти, седые туманы
Легли на твоё молодое чело,
И волны печали, и жгучие раны
Томили усталую грудь тяжело.

И чуяло сердце, что скоро придётся
Изведать прощанья нерадостный час,
Что счастье, как дым, улетит, унесётся
И небо измучит разлукою нас...

Сражённый судьбою, в тревоге молений
Из гроба напрасно зову я тебя.
В лицо мне, ликуя, бьёт ветер осенний,
Природа молчит, никого не любя.

Природа, что властвует жизнью земною,
Не видит страданий, не знает скорбей,
Ни слёз безутешных и пролитых мною,
Ни сумерек душных надежды твоей.

Доброй ночи!

Доброй ночи, доброй ночи!
Солнце тонет за горами,
Вот погас последний луч;
Над полями и лугами
Чёрный мрак ползёт из туч.
Всюду мир, покой царит,
Тихо ветерок шумит.
Доброй ночи!

Слышен моря гул глубокий,
Голос звонкий, как вода, —
Это ангел с гор высоких
Тихо сходит к нам сюда...

Доброй ночи, доброй ночи!
И пока зари свеченье
Не забрезжит ясным днём,
Мы по берегу забвенья
Бродим вслед за сладким сном.
Голос ангельский стихает,
Светлым вздохом замирая...
Доброй ночи!

Суморан дан

Киша сипи... У даљини
Повила се магла густа;
Дан пролази у тишини,
Гора нема, поља пуста.
У мртвилу све почива,
Нигде нема створа жива.

Свуда пустош и досада
Царује и влада,
Нити срце штогод жели,
Нит' се чему нада.

Расејано поглед блуди,
Тромо иду часи,
Из даљине звоно гуди,
Разлежу се гласи —
Одјекују на далеко...
Мора да је умро неко.

У лов!

У лов, у лов, господару!
Ту су слуге и огари...
Слушај, како пашчад кевће,
Како звижде господари.

Рог се хори, гора бруји,
По планини нагле звери —
Зечеви се већ предају
Као подли карактери.

Само пази, господару,
Поред твоје страже јаке
Да не банеш у заносу
На тигрове и курјаке.

Пуна их је шума ова,
Оштрих зуба, спремних боју.
Остави се тога лова —
Разнеће ти кожу твоју.

* * *

Сиво, суморно небо... Са старих ограда давно
Увели ладолеж већ је суморно спустио вреже,

Хмурый день

Хлещет дождь... Заволокло
Горизонт туманом густо;
Дребезжит в окне стекло,
Горы немые, в поле пусто.
 День проходит, как во сне,
 Не придёт никто ко мне.

В сердце скука и досада,
 Нет душе отрады,
Нет надежды. Тошно, грустно.
 Ничего не надо.

 Взгляд рассеянно блуждает
Час за часом. Больно.
Гул далёкий нарастает
Звоном колокольным —
 Стонет эхо долгой нотой...
 Видно, умер кто-то.

На охоту!

На охоту, на охоту!
Здесь и слуги, и борзые...
Слушай, как скулят собаки,
Егеря свистят лихие.

Рог трубит, гудит гора,
По лесу несутся звери...
Зайцы в ужасе — пора
Лапки кверху; вот тетери!

Только ты смотри, хозяин,
Вместе со своею стражей
Не бросайся в ослепленье
На волков и тигров ражих.

Их полно в лесу дремучем —
Острозубых, диких, грозных.
Придержи свою гордыню:
Вспорют шкуру — будет поздно.

* * *

Хмурится серое небо. Вьюнка иссохшие плети
Со старых оград оголённых к лужам сползают вяло.

А доле, скрхане ветром, по земљи гранчице леже;
Све мрачна обори јесен, и све је пусто и тавно,
Без живота је све.

Изгледа, као да самрт уморну природу стеже,
И она тихо мре...

А по каљавом друму, погружен у смерној туги,
Убоги спровод се креће. Мршава, малено кљузе
Лагано таљиге вуче, а врат је пружио дуги —
И киша досадно сипи, и спровод пролази тако,
Побожно и полако.

* * *

Вече је одавно прошло... У шумарцима густим
Безбројних, малених тица звучни је стао хор;
Поноћ је спустила вео. По долинама пустим
Умук'о људски збор.

Само Дунаво шуми у мраку и самоћи,
Ил' каткад одјекне звучно протегнут, јасан глас;
То рибар рибара кличе по тавној дубокој ноћи,
И њихов сурови усклик долеће чак до нас.

А по обали цветној ми сами блудимо двоје,
Нежно ти стежем руку, и слушај у ноћи тој
Испрекидани уздах, и бурно дисање твоје,
И стидљив шапат твој...

Привиђење

Божанствена слика њена
Синоћ ми се у сну јави:
Имала је зелен венац
На суморној, бледој глави.

Угашено око мило,
Светилиште од милине,
Дух, што сумња, подизаше
У бескрајне, у даљине...

Тако дуси тону, блуде,
Са светињом доба стара,
Тако небо снове буди,
Да силније разочара.

Осень стелет на землю тёмное покрывало.
На сучьях остатки листьев угрюмый, промокший ветер
Изжёвывает дотла.
И кажется, что природа сдалась, смертельно устала —
И тихо умерла...
Вон тащит гроб лошадёнка. Ей трудно: сырая дорога
Засасывает колёса — тяжёлые, как лемеха.
Бредут под дождём и люди, глядят смиренно и строго, —
И серая эта процессия так набожна, так убога,
Так скорбна, так тиха!..

* * *

Тихо... Только звуки трелей соловьиных
Нарушают леса тёмного покоя.
Полночь опустила полог свой, в долинах
Говор смолк людской.

В сумраке пустынном слышен шум Дуная,
Да порою чьи-то голоса с реки
К нам несутся, резким гулом долетая:
То, перекликаясь, едут рыбаки.

Мы идём с тобою берегом — и нежно
Пожимаю руку я твою своей,
И ловлю, волнуясь, вздох груди мятежной
И стыдливый шёпот любящих речей.

* * *

Мне вчера она явилась,
Дав отраду снам печальным;
На челе венок виднелся
Украшеньем погребальным.

Неподвижны были очи,
Красотою не сверкали,
Ведь душа её далёко,
В той стране, где нет печали...

Так порою тени милых
Посещают сновиденья,
Чтобы нам больней казалась
Горечь слёз и пробужденья!

У зору

Кроз прозорје звона звоне
И звук њихов тихо тоне;

Одјекује по даљини,
И по гори и долини.

Од небесних зрачних двора
На истоку свиће зора...

Звучна звона звоне јаче,
А њихови звуци значе:

Нек' не клоне и не пада
Који љуби, који страда!

Рајски цветак

Једног дана Бог ме дозва, па ми рече:
«Буди срећан и радуј се, о човече!

За сву љубав, што је гајим према теби,
Из мог врта један цветак узми себи».

Сиђох у рај и погледах биљке свете,
И међ њима видех тебе, рајски цвете!

Занео ме слатки мирис душе твоје,
Те узабрах тебе милу, цвеће моје.

Анђели се узбунише ради тога,
Па стадоше с тужним срцем око Бога.

«Смирите се, Бог им рече, чеда драга!
Овај човек заслужан је таквог блага:

Истинит је, благ и добар, Господ каже,
И кад лаже — безазлено, лепо лаже».

* * *

Подигни завесе тешке, и окна, и шалоне,
Погледај, како сунце у плавој пучини тоне;
С далеких обала морских безбројне галије стижу,
Над њима галеби лете, вију се, и журно дижу.

На заре

Звуки колокольных звонов
За оконцем тихо тонут:

«Отзываемся вдали мы,
На вершинах и в долинах.

Из небесного чертога
К нам заря идёт с востока...»

Звучны звоны на рассвете,
Говорят нам звуки эти:

О, пускай не унывает
Тот, кто любит и страдает!

Райский цветок

Бог призвал меня однажды в тихий вечер
И сказал: «Будь рад и счастлив, человече!

За любовь ту, что питаю я к тебе,
Из садов моих цветов возьми себе».

Я спустился в сад с растеньями святыми,
И тебя, цветок, я увидал меж ними.

Той души благоуханья слаще нет!
И сорвал тебя я, милая, мой цвет.

Только ангелы вдруг подняли тревогу,
Я предстал с тоскою в сердце перед Богом.

А Господь им говорит: «Смиритесь, чада!
Человек сей заслужил мою награду».

Говорит: «Он нежный, добрый и правдивый,
Если лжёт — то лжёт беззлобно и красиво».

* * *

Раздвинь скорей занавески и окна раскрой пошире.
Смотри — солнце тонет в море и ночь наступает в мире.
Бесчисленные галеры по синим волнам подплывают,
За ними чайки и ветры летят, этот мир воспевают.

На њима богате робе с далеког долазе Понта,
Из бујне Провансе, Смирне и тиха Хелеспонта.
Топовске чељусти страшне на море зијају грозно,
Ту правоверни клања у јутро и вече позно.

Он хвалу Пророку шаље за срећан свршетак дана,
И ређа, склопивши очи, стихове из Корана —
А с плаве пучине, ено, где сунце уморно спава,
Двороги месец се диже и море озарава.

Арнаутка

Са сурих камених брда, гонећи чупаво кљусе,
С нарамком трња и с пушком, љубави вична и боју,
Ти слазиш, Адиле драга. А твоје косице русе
 Лелуја јутарњи ветар,
 И диже ферецу твоју.
Јуначки каприс ме мучи гледајућ ' одважност мушку,
Са којом походиш кланце, где орли с кликтањем лете;
Крв ми у главу нагне, — ал' кад ти угледам пушку —
 Душа ми задршће само,
 А срце нагне у пете.

У позну јесен

Чуј, како јауче ветар кроз пусте пољане наше,
 И густе слојеве магле у влажни ваља д'о...
Са криком узлеће гавран и кружи над мојом главом,
 Мутно је небо сво.
Фркће окис'о коњиц и журно у село граби,
 И већ пред собом видим убоги стари дом:
На прагу старица стоји и мокру живину ваби,
 И с репом косматим својим огроман зељов с њом —
А ветар суморно звижди кроз црна и пуста поља,
 И густе слојеве магле у влажни ваља д'о...
Са криком узлеће гавран и кружи над мојом главом,
 Мутно је небо сво.

Свети Сава

Ко удара тако позно у дубини ноћног мира
На капији затвореној светогорског манастира?
 «Већ је прошло тавно вече, и нема се поноћ хвата,
Седи оци, калуђери, отвор'те ми тешка врата.

Не счесть на галерах сокровищ с земель далёкого Понта,
Из радостного Прованса, из тихого Геллеспонта,
Из Смирны... Но жерла пушек на них уставились грозно:
Здесь молится правоверный и днём, и вечером поздним,

Хвалу вознося Пророку и ночью, и утром рано,
Благодаря за вздох свой, за день свой стихом Корана...
А там вон, за горизонтом, где солнце спит-отдыхает,
Двурогий месяц восходит и в звёздах ночь полыхает.

Арнаутка

С суровых каменных гор на лохматой лошадке,
С хворостом и ружьём, искусна в любви и в бою,
Спускаешься ты, Адила. И кудри твои в беспорядке
Кольшет утренний ветер,
Чадру поднимая твою.
Молодецкий задор меня мучит при нашей встрече,
Когда ты идёшь над обрывом, где клёкот орлиный и лёт.
И кровь ударяет мне в голову, но только ружьё замечу —
Душа у меня затрепещет,
А сердце в пятки уйдёт.

Поздней осенью

Послушай, как воеет ветер в полях над седой травой,
Густого тумана пряди кидая в сырой овраг.
И с криком взлетает ворон, и вьётся над головою,
А в небе муть и мрак.
Намокшая лошадёнка бежит — под дождём дорога,
В селе на краю маячит всё тот же убогий дом.
Старуха, скликая куриц, в раздумье глядит с порога,
И пёс её старый машет мохнатым седым хвостом.
А ветер всё так же воеет над прелой седой травой,
Густого тумана пряди кидая в сырой овраг.
И с криком взлетает ворон, и вьётся над головою,
А в небе муть и мрак.

Святой Савва

Ворота закрыл монастырь святогорский,
Кто ночью колотит в тяжёлые доски?
«За вечером тянется полночь немая,
Отцы, помогите мне, дверь откроя.

Светлости ми душа хоће, а одмора слабе ноге.
Клонуло је моје тело, уморне су моје ноге —
Ал' је крепка воља моја, што ме ноћас вама води,
Да посветим живот роду, отаџбини и слободи.
Презрео сам царске дворе, царску круну и порфиру,
И сад ево светлост тражим у скромноме манастиру.
Отвор'те ми, часни оци, манастирска тешка врата,
И примите царског сина к'о најмлађег свога брата...»
Зашкрипаше тешка врата, а над њима сова пр'ну
И с крештањем разви крила и склони се у ноћ црну.
А на прагу храма светог, где се Божје име слави,
Са буктињом упаљеном, настојник се отац јави.
Он буктињу горе диже, изнад своје главе свете,
И угледа, чудећи се, безазлено босо дете.
Високо му бледо чело, помршене густе власи,
Али чело узвишено божанствена мудрост краси.
За руку га старац узе, пољуби му чело бледо,
А кроз сузе прошапута: «Примамо те, мило чедо».

*

Векови су прохујали од чудесне оне ноћи, —
Векови су прохујали и многи ће јоште проћи —
Ал' то дете јоште живи, јер његова живи слава,
Јер то дете беше Растко, син Немањин, Свети Сава.

Турска

К'о изумрли давно, преда мном градови леже
И мирна, убога села. Са мрачних домова њини'
И древних, камених платна, вињага густа се вије
Ил' шуми на висини,
И као прастаро гробље лиснатом врежом их крије.
Ено на суром вису урвине вековне стоје
К'о страшан, огроман скелет... Кроз окна њихова пуста
Сањиво шумори ветар и ниче висока трава
Суморног заборави.

Изгледа, као да човек ни руком дотак'о није,
Што су столећа бурна одбила у мрачном ходу
Са кула и платна градских. Ту гнездо јеина вије,
И змија одвратно мили и гуштер по травном поду.

Душе моей света хватать перестало,
 И ноги ослабли, и тело устало —
 Но воля крепка, что к монахам приводит, —
 Отечеству жизнь посвятить и свободе.
 Дворцом и короной владеть не желаю,
 И в скромной обители свету внимаю.
 Честные отцы, отворите мне двери,
 Пусть царского сына как брата пригреют...»
 Со скрипом открылись тяжёлые двери,
 Сова, улетаая, расправила перья,
 Из божьего храма, где славили Бога,
 Отец-настоятель ступил на дорогу.
 Он факелом светит, огонь поднимая,
 Дивится, босому ребёнку внимая, —
 На лоб его бледный власы ниспадают,
 И мудрость от Бога чело осеняет.
 И старец берёт его руку: «Мы рады,
 Тебя принимаем мы, милое чадо».

*

Века пролетели с чудесной той ночи,
 И долгую память ей время пророчит —
 Дитя это живо, жива его слава,
 Ведь это был Растко, сын Немани, — Савва.

Турция

Как вымершие, лежат вокруг города и сёла...
 С безжизненных серых стен свисающий виноград
 Шумит на ветру взамен времён былых и весёлых —
 Теперь тут никто не рад...
 Никто, ничему... Одно заброшенное кладбище.
 Руины былых надежд, осколки прежних побед —
 Всё вьющийся виноград опорой счёл или пищей.
 И если вдруг кто дерзнёт — пойдёт туда и отыщет...
 Полуистлевший скелет!

Похоже, что человек тут тысячелетья не был
 И всё, что века разбили, оставил и позабыл:
 Из остова башни старой сова вылетает в небо,
 И ящерицы спуют, где поле шумело хлеба,
 Змея на пороге дома свернулась — а дома нету,
 Хотя он когда-то был...

Србин у рају

Умре један Србин, не зна се од чега,
Али Господ прими у насеља њега,
И рече му Господ: «О љубазни сине!
Доспео си, ево, у рајске висине.

«Ево овде има блага свакојака,
И учених људи, и добрих јунака.
Нек те, дакле, брига и туга не гуши,
Но слободно ишти што ти драго души».

А Србин ће њему: «О Господе јаки!
Ја бих жељно иск'о новина ма каки,
У којима пише шта ли доле раде,
Какве нове сплетке пред изборе граде?»

Окрете се Господ анђелима редом,
И затресе тужно својом главом седом:
«Подајте му, — рече — а шта друго знамо?
Та то један Србин и разуме само».

Химна векова

Не знам је л' на сну само ил' збиља одлазим често
У чудан предео неки. Ту свако казује место
Трагове разорења;
Кипарис зелено тавни и коров шири се само,
И влажни, гробовски ветар океан таласа тамо,
И звижди са хладног стења.
И ја, уморан тешко са даљна некаква пута,
Напусту обалу седам. И тада поред мене
Мртвачки пролази спровод у немом свечаном ходу,
А маске на лицу носе и људи, деца и жене.

Одакле долазе они? И куда вечито греде
Тај спровод с песмама грозним?
И кога односе они у крило вечности седе
У вечерима позним?
Путећи пролазе они, и вечно по мраку блуде
И од времена давних —
Бескрајни океан шуми суморну и хладну песму,
Химну векова тавних.

Серб в раю

Умер серб, неведомо от каких мучений,
 Принял и его Господь в горние селенья,
 Говорит ему Господь: «О, любезный сыне!
 Райские высоты — дом тебе отныне.

Здесь полно сокровищ и богатства всякого,
 И людей учёных, и добрых юнаков.
 Так что пусть тебя тоска больше не снедает,
 Пользуйся свободно, чем душа желает».

Отвечает серб ему: «Всемогущий Боже!
 Мне б газет каких-нибудь раздобыть побольше,
 Тех, в которых пишут, как дела внизу, —
 Там интриги, выборы на носу!»

Прилетели ангелы беспокойным роем,
 Покачал печально Бог головой седою:
 «Дайте, — говорит, — ему. Что делать — не знаю.
 Это ж серб, он только это понимает».

Гимн веков

Не знаю, во сне ли только иль въявь, ухожу я часто
 В некий странный предел. И там всюду вижу ясно
 След разоренья;
 Там только тёмно-зелёный кипарис и глухой бурьян,
 И влажный, могильный ветер волнует там океан,
 Свистя в холодных камнях.
 И я, усталый смертельно после дальней дороги,
 Сижусь на пустом берегу, а мимо меня влачитя
 В немом торжественном ритме процессия похоронная:
 Мужчины, женщины, дети... И маски у них на лицах.

Откуда они приходят? Куда грядёт бесконечно
 То шествие с песней грозной?
 Кого они там уносят в объятья седой вечности
 Ныне вечером поздним?
 Молча они проходят, вечно во мраке блуждают,
 Издавна — испокон —
 Шумит океан ту песню угрюмую, что называют
 Гимном тёмных веков.

Гласник слободе

У тврђави београдској стара кула и сад стоји,
Што времена ток суморни у мртвومه миру броји.

Многи борац за слободу, у мукама нечувеним,
Скончао је дане своје под високим кровом њеним.

Ту Дунаво хладно шуми, и у шуму мутних вала
Јецане се чује ноћу с мрачне куле и обала.

А с бедема порушених, где кржљава зова ниче,
Страшна сова јасно крешти и стража се у ноћ кличе.

Једног дана, доста давно, тешка њена бртва шкрину
И тавничар бледог странца посла кули у дубину.

Ал' он гордо диг'о главу, а с ње пада коса дуга,
На лицу му тежак умор а у оку пламен југа.

То је Рига, син Јеладе, мајско сунце коју греје,
И потомак храбрих Грка с Маратона и Платеје.

Он подиже руку десну (на груди му лева пала),
Па говори стражи својој, што се збила крај машала:

«Отманова мрска децо, мрак нека ми тело крије,
Ал' дух мој ће тек да живи, дух слободан ено гди је.

Дух ће овај гласник бити за народе на Балкану,
Да не клону у надежди белој зори, јасном дану.

Опустеће двори ваши, а остаће кула стара,
Да сачека ново доба, општа љубав које ствара».

У том часу с мрачне куле ор'о сури нагло пр'ну,
Страшно одби снажним крилом и у ноћ се изви црну.

*

У тврђави београдској стара кула још те стоји,
Што времена ток суморни у мртвومه миру броји.

Ту Дунаво хладно шуми, и у шуму мутних вала
Јецане се ноћу чује с мрачне куле и обала —

А с бедема порушених, где кржљава зова ниче,
Страшна сова јасно крешти и стража се у ноћ кличе.

Вестник свободы

Есть в белградской цитадели башня мрака, башня горя.
Шли столетия, как волны еле зыблемого моря.

Те, кто грудью стал за правду, здесь нередко жизнь кончали,
И немало их погибло в лютой муке и печали.

Подле башни грустно плещут воды мутного Дуная,
Содрогается от стонов и от плача тьма ночная,

А со стен, поросших мохом, в ночь глухую стонут совы,
Слышен грубый окрик стражи, и во мгле гремят засовы.

Много лет назад со скрипом запахла дверь темницы,
И в неволе очутился иностранец бледнолицый.

Голову он поднял гордо, хоть пришлось ему и туго,
В сердце тяжкая забота, а в глазах весь пламень юга.

То был Рига, сын Эллады, шедший к правде неуклонно.
Правнук знаменитых греков, уроженцев Марафона,

Поглядев на дымный факел, он сказал тюремной страже,
И его чудесный голос прозвучал, не дрогнув даже:

— Вы, Османово отродье, заковали только тело,
Дух мой реет на свободе так же гордо, так же смело.

Он несёт свои надежды тем, чьё сердце в жгучих ранах,
Он бесстрашный вестник правды для живущих на Балканах.

Встанет солнце, тьму развеяв, и по казематам башни
Будут изучать потомки беспросветный день вчерашний.

В этот миг с тюремной башни сорвался орёл могучий.
Опершись крылом о ветер, пробивался он сквозь тучи.

*

Есть в белградской цитадели башня мрака, башня горя.
Шли столетия, как волны еле зыблемого моря.

Подле башни грустно плещут воды мутного Дуная,
Содрогается от стонов и от плача тьма ночная —

А со стен, поросших мохом, в ночь глухую стонут совы,
Слышен грубый окрик стражи, и во мгле гремят засовы.

ВОЈИСЛАВ ИЛИЋ

* * *

Са погледом угашеним,
С прекрштеним рукама,
На мртвачком одру своје
Лежао сам међ' вама.

Ви сте моје бледо лице
Росним венцем обвили,
И о мојим боловима
Са уздахом зборили.

Ја сам слуш'о речи ваше
С њиним слатким отровом,
И горко сам насмеј'о се
Под мртвачким покровом.

* * *

С угасшим взглядом
И скрещёнными руками
На смертном ложе
Я лежал пред вами.

Вы бледное лицо
Моё венком прикрыли
И о судьбе моей
Со вздохом говорили.

Я слушал ваши речи
С их сладкою отравой
И горько усмехался
Под простыней дырявой.

АЛЕКСА ШАНТИЧ. АЛЕКСА ШАНТИЋ

Поэт, драматург, публицист. Родился 27 мая 1868 в городе Мостар (Босния и Герцеговина, Османская империя) в многодетной, состоятельной купеческой семье. Учился в коммерческой школе в Любляне, брал частные уроки литературы в Триесте. Переводил немецкую поэзию (в частности, Г. Гейне). Был деятелем национально-освободительного движения, редактором сербских литературных и общественно-политических журналов в Герцеговине. Арестовывался австро-венгерскими оккупационными властями как заложник. Член-корреспондент Сербской академии наук и искусств. Умер 2 февраля 1924 в Мостаре (Босния и Герцеговина, Королевство сербов, хорватов и словенцев) от туберкулеза.

Книги поэзии: *Пјесме* (1891); *Пјесме* (1895); *Пјесме* (1901); *Пјесме* (1908); *Пјесме* (1911); *На старим огњиштима* (1913); *Пјесме* (1924). Важнейшие собрания поэтических произведений: *Целокупна дела* (1–3, 1928); *Одабране песме* (1932); *Пјесме* (1950); *Сабрана дјела: Пјесме* (1–2, 1957); *Изабрана дела: Песме* (1–2, 1972); *Сабрана дела* (2008). Поэзия издавалась в переводе на русский язык.

Имя Алексы Шантича в душе любого серба сразу же вызывает представление о Герцеговине и ее столице Мостаре. Здесь он прожил практически всю жизнь. В лице Шантича Герцеговина обрела вдохновенного барда, который восхищался ее природой и людьми и создал ее узнаваемый художественный образ. Герцеговина — гористая, малоплодородная область к югу от Боснии, была тесно связана с ней исторически (отделилась только в XV веке, во времена феодальной раздробленности, и тут же — завоеванная турками — вновь «воссоединилась» с ней в общей судьбе). В XIX веке Герцеговина стала ареной масштабных антитурецких восстаний, но на смену одному безвременью пришло безвременье другое — австрийское, в лице, как писал Йован Дучич в эссе о Шантиче, «дегенеративной монархии, извращенной династии, формалистической бюрократии».

На рубеже веков национально-освободительные стремления среди герцеговинцев были очень сильны. Героическая этика, воплощенная в эпических народных песнях, была для них не пустым звуком. Веками выработанная стойкость по отношению к жизненным невзгодам, культ личного мужества, готовность к самопожертвованию — все эти качества оказались вновь востребованными. Юный Алекса Шантич был из тех, кто жил духом родовой памяти. Поначалу он работал в лавке своего отца, однако склонности его были далеки от торговли — он предпочитал искусство, его влекло к общественной

деятельности. Вместе со своим земляком Дучичем (в будущем также знаменитым поэтом) он стал инициатором многих культурно-просветительских начинаний, сочинял музыку, выступал как декламатор и актер. Объединившись с другими самоотверженными молодыми людьми («двенадцатью апостолами»), организовал певческое общество «Гусли», а затем начал издание литературного журнала «Зора» («Заря»), сыгравшего важную роль в превращении Мостара в общесербский культурный центр, средоточие объединительных югославянских тенденций.

Первый литературный журнал в Герцеговине был сербским. В него был вложен весь энтузиазм молодого патриотически настроенного поколения, вся его энергия противодействия оккупационным властям. Несмотря на то что по цензурным причинам журнал мог быть только «беллетристическим», его значение выходило далеко за рамки литературы. В него посылали свои произведения многие крупные писатели югославянского ареала, вскоре появились подписчики в Сербии, Хорватии, Черногории, Болгарии. Явив миру пример герцеговинской стойкости, «Зора» укрепляла слабых, обнадеживала отчаявшихся, будила спящих. Широко пропагандировала русскую культуру. Благодаря ей маленький Мостар стал оплотом культурного возрождения славянства на Балканах. Шантич был душой этого движения. В этот период он потерял всех близких: одного за другим похоронил родителей, братьев и сестер (они были младше, чем он). Тяжело переживал эти утраты, но продолжал трудиться, выполняя принятую на себя миссию. Став сотрудником газеты «Народ», он занялся непосредственной политической деятельностью. После австрийской аннексии Боснии и Герцеговины ему пришлось бежать в Италию, а во время Первой мировой войны он был заключен в тюрьму, что подорвало его здоровье и оставило без средств к существованию. Но духа его не сломило.

Шантич был самоучкой, без особого литературного или другого образования, однако, исполненный энтузиазма и вдохновения, стихи начал писать рано, лет с восемнадцати, и писал их легко, «как дышал». Не гонясь за гладкостью и отточенностью формы, Шантич умел передать главное — искренность чувств. Слава пришла к нему не сразу. Первый сборник стихов подвергся острой критике со стороны «наставника» модернистов Богдана Поповича. Получив отрезвляющий урок, Шантич начал кропотливо работать над стихом и постепенно превратился в самостоятельного и широко известного национального поэта. Если Дучич, его друг, почувствовал узость региональных рамок, начал тяготиться простым бытом и заботами своих соотечественников и решил, что его место — на просторах Европы, то Шантич до конца дней не стремился покинуть Мостар и только с ним связывал свое представление о счастье. По словам Дучича, Шантич — «взрослый ребенок нашей литературы»: добродушный и наивный, он «не понимал человеческой ненависти и зависти», «чувствовал потребность всё превращать в красоту».

С самого начала он находился под влиянием народного поэтического творчества и сербских романтиков: Бранко Радичевича, Йована Йовановича-Змая, Воислава Илича. Однако не был их эпигоном, но сам являлся носителем нового, более широкого, «народного» мировоззрения, вдохновлялся не столько чужими образцами, сколько непосредственным чувством. Он создал собственный поэтический мир, основные мотивы которого — глубокий, непоказной патриотизм, любовь, элегические переживания молодости, а затем и старости. Лирика Шантического мелодична, насыщена узнаваемыми деталями быта и природы родных мест, запахами, цветами, ночными шорохами, традиционно элегична в духе славянского народного творчества. Любовь для Шантического и возвышенна, и чувственна, но в то же время патриархально стыдлива и всегда безнадежна. На ее пути всегда возникают препятствия, а за нечаянное счастье влюбленные расплачиваются наказанием.

Основная масса стихов Шантического посвящена национально-патриотической тематике. В них видна твердость его убеждений и высота помыслов. Он на стороне «человека труда», любит его мозолистыми руками и простыми, сильными чувствами. Отличие его от других поэтов-патриотов прекрасно уловил Йован Скерлич: сердце Шантического «воспламеняется любовью к народу не когда он воспекает войско царя Душана, идущее походом на Царьград, а когда видит бедствия эмигрантов, едущих за хлебом в Америку... Это совершенно другой, гораздо более разумный, глубокий и действенный патриотизм по сравнению с тем праздным вербализмом, со всей той эмфазой и патетикой, с которыми мы привыкли сталкиваться в наших бесчисленных патриотических стихах».

Особый творческий подъем Шантический пережил во время Балканских войн. В сборнике «На старых пепелищах» (1913) его взгляды уточняются и мифологизируются. Он воспекает нестигаемое упорство человека и готовность его к жертве. Поэт считал путь жертвенности единственным путем спасения народа, залогом его конечной победы: смерть — опора будущего, напрасно пролитой крови не бывает, она вливается в могучую мистическую реку национального искупления и надежды. Сербский народ исторически отмечен мученичеством, на его долю выпали все мыслимые и немыслимые страдания, однако сила его терпения и самоотверженности должна это «проклятие судьбы» снять.

Призыв Шантического к жертвенности не имел ничего общего с лозунгами классово-коллективистских утопий, призывающих человека забыть самого себя во имя общего счастья. В его основе родовое, наследственное чувство: «Во мне болят все раны моего рода. Во мне плачут души миллионов». Поэт видит в народе метафизическую общность, скрепленную кровью единство «своих». В его поэзии постоянно звучат призывы к объединению сербов в мире, полном мучителей, поработителей и захватчиков. Огромные жертвы, которые южнославянские народы заплатили за свое освобождение и объединение в войнах и конфликтах начала века, он воспринимает

как залог будущего братства и счастья («Голгофа и сила духа»). После Первой мировой войны, в атмосфере победного восторга и риторически цветистого официоза, он — ведомый безошибочным нравственным чутьем — не присоединяется к хору славословий, а возвращается в поэзии к судьбе обездоленных и социально дискриминированных. Милош Црнянский, так же остро ощущавший фальшь царящей кругом эйфории, записал тогда: «Читаю только его патриотические стихи».

Между тем, больной и усталый, поэт постепенно теряет запал и живую непосредственность чувств. Он находит единственный способ примирения с фактом бренности бытия: принимает его с достоинством. С радостью глядит на чужое веселье, готов и сам в нем участвовать, однако считает веселье лишь способом отвлечься от тяжких мыслей о быстротечности жизни. Одинокий и постаревший поэт ностальгически возвращается к своему детству, к предпраздничной веселой суете некогда богатого и наполненного жизнью, а ныне опустевшего дома. Время отняло у него всё, кроме способности вспоминать и своими стихами разжигать в очаге прежний огонь.

В историю сербской поэзии Алекса Шантич вошел как поэт, посмевавший говорить перед лицом врага искренне и патриотично, в пору расцвета модернистских течений сохранивший живое чувство единства со своим народом и его поэтическим словом. Его стихи будили в соотечественниках чувство кровного родства и национальной гордости. Лирическая убедительность его поэзии достигалась не точностью и разработанностью метафорического языка, не продуманными приемами версификации, не завершенностью художественной формы, а простодушием и непосредственностью, силой побудительных мотивов к творчеству: велением гражданской совести, ответственностью за свой народ. Это в корне отличало его от многих современников, которые пеклись больше о богатстве и изощренности художественных средств, но получали далеко не столь весомый результат. Демократичность и оптимизм Шантича казались подчас чем-то слишком простым и доморощенным, однако смысловая наполненность его стихов, их духовный потенциал гораздо выше, чем у многих адептов эстетической безукоризненности.

М. Карасёва

Немилосном богаташу

Поп'о си се сред милина,
Двор ти злато, свила краси;
Богаташ си од давнина —
Ал' човјече, прашина си.

Сиротиња тужи, цвили,
У јаду јој теку часи;
А ти лежиш у тој свили —
Ал' човјече, прашина си.

До ушију допиру ти
Сиротињске муке гласи;
Ти презиреш тај глас љути —
Ал' човјече, прашина си.

Ти је гониш, а не видиш
Како сузом лице кваси;
Ти си силан, ти с' не стидиш —
Ал' човјече, прашина си.

Замало ћеш, ој смртниче,
На свијету тако бити,
Замало ћеш, ој смртниче,
Јер ћ' и тебе земља скрити.

Преминуће сва милина,
Оставићеш своје дворе;
И они ће бит прашина,
Времена ће да их соре.

Имај срца! Буди човјек!
Нек те дјела дижу свуде,
Па ћеш тако живит дов'јек' —
И кад тјело прах ти буде.

Нада

Кад облаци небо скрију,
И у црно све завију,
Па од данка створе ноћ,
Ко нам вели: «Све ће минут,
Кроз облак ће опет синут
Сунце свето, Божја моћ?»

Немилосердному богачу

Ты богатством истекаешь,
Тонешь в золоте, в шелках;
Твой дворец — подобье рая.
Только сам ты — жалкий прах.

Бедняков терзает голод,
Доля их — тоска и страх;
Твой дворец избытка полон.
Только сам ты — жалкий прах.

Слышишь голос лютой муки?
Чья-то жизнь — в твоих руках!
Презираешь эти звуки...
Только сам ты — жалкий прах.

Гонишь всех, тебе не видно:
Мир стоит на бедняках.
Ты силён, таким не стыдно.
Только сам ты — жалкий прах.

Но тебе недолго, смертный,
Всласть на этом свете жить.
В золоте что толку, смертный?
И тебе — червей кормить.

Скосит смерть единым махом,
Опустеет твой дворец,
И богатство станет прахом,
И шелкам придёт конец.

Бейся, сердце, в человеке!
От кого добра прибудет,
Только тот и жив вовеки —
Даже если прахом будет.

Надежда

Небо тучами закрыто,
Чернотой всё залито,
Утро превратилось в ночь.
Кто нам скажет: «Тьма устанет,
Божий свет опять проглянет,
Солнце выйдет нам помочь»?

Кад нам снијег доље скрије,
 Кад нас зима ледом бије
И срдито шири јед,
 Ко нам души гласе креће:
«Доћ ће опет прамалеће,
 Растопиће тврди лед»?

Па и старца, ком су дани
 Већ живота избројани,
Ком је гробак ископан,
 Ко га тјешу у тој б'једи,
Па му шапће: «Старче с'једи,
 Још ћеш живјет који дан»?

Кад нас судба бичем шине,
 Па нам срећа нагло мине,
А душу нам стегне вај,
 Ко нам не да малаксати,
Ко нас милим гласом прати:
 «Свакој б'једи дође крај»?

То је тајна сила света,
 Што око нас вјечно л'јета;
То је нада — рајска моћ!
 То је зв'језда најмилија,
Што нас кр'јепи, што нам сија
 Кроза мрклу тавну ноћ.

* * *

Ја никада тебе мрзити не могу,
Тебе, б'јели св'јете, ком је многи дао
Име црног пакла, а на потсмјех Богу
Што те светом мишљу ускрснути знао.

Не могу те мрзит. Ту под небом твојим
Ја осјећам љубав што ме с тобом спаја,
Ја пред твојим ликом с побожношћу стојим,
Као чисти анђ'о пред дверима раја.

Јест, на брзој струји којом живот броди,
Често испих пехар пун јада и туге,
Ал' кад златно сунце на небу се роди,
Ил' кад спазим тамо величанство дуге;

Кад прољеће младо дарове донесе
И кад росом преспе љубичице плаве,

Снег долину накрывает,
Холодом зима пугает,
Лютой стужей злобно бьёт.
Душу чьё нам греет слово:
«Вот весна вернётся снова
И растопит твёрдый лёд»?

Старика печальны дни,
Сочтены уже они,
Впереди последний путь.
Кто его в беде утешит,
Кто прошепчет: «Старче грешный,
Поживи ещё чуть-чуть»?

Нас громит судьба нещадно,
Без следа проходит счастье,
Сжалось сердце от невзгод.
Кто унынье прогоняет,
Добрым словом ободряет:
«Бедам всем конец придёт»?

Сила тайная святая
Вечно возле нас витает
И стремится нам помочь!
Всех надежда укрепляет —
Как звезда, она сияет,
Разгоняя мрак и ночь.

* * *

Тебя я ненавидеть не могу,
О белый свет, хотя тебя назвали
Чернейшим адом те, кто Богу лгут,
Хотя и Бог спасёт тебя едва ли.

Я ненавидеть не могу. Твою
Любовь я благодарно ощущаю,
Пред ликом твоим набожно стою,
Как ангел перед дверью рая.

Потоком чистым жизнь твоя течёт,
Хоть кубок полон и тоски, и горя.
Ведь солнце в небо золотом взойдёт,
И я увижу радужное море.

Весна младая принесёт дары,
Росой фиалки синие польёт,

Па се с лаком шевом душа ми узнесе
Далеко, далеко, у висине плаве:

Ја у томе часу заборавим боле
И све сузе тајне што их душа рони,
Моје усне шапћу, тихо Бога моле,
И ја чујем како глас небеса звони.

Па утјешен вјером, загрлит бих хтио
Небо, сунце, брда завичаја мога,
Па да с њима зборим и шапућем ти'о
И љубим их тако до издаха свога.

Моја ноћи...

Моја ноћи, када ћеш ми проћи?

— Никад!

Моја зоро, када ћеш ми доћи?

— Никад!

Моја срећо, кад ћеш ми се јавит?

— Никад!

Моје небо, кад ћеш ми заплавит?

— Никад!

Моја драга, кад ће наши свати?

— Никад!

Моја сузо, када ћеш ми стати?

— Никад!

Моја молитва

Пошљи, Господе,
Утјехе у мраку,
У овој ноћи
Што се живот зове
Даруј ми духу
Св'јетлу вољу јаку,
Да ув'јек ступам
На подвиге нове.

Славећи тебе,
Да истину зборим
Другу и брату,
Силнику и робу;
За правду да се
Уз праведне борим
И с њима шибам
Пороке и злобу.

И ласточкой в далёкие миры
Душа моя умчится, в синь высот.

В такие дни я забываю боли
И тайную слезу душа роняет,
Уста мои смиренно Бога молят,
И голос мне небесный отвечает.

Утешен верой, я хочу обнять
Холмы и небо родины моей
И с ними говорить, и им шептать,
Любить их до моих последних дней.

Моя ночь

Ночь моя, когда же ты отпрянешь?
— Никогда!
Луч зари, когда ты в сердце глянешь?
— Никогда!
Скоро ль явишься ко мне ты, счастье?
— Никогда!
Небо, ты развеешь ли ненастье?
— Никогда!
Милый друг, когда же свадьба наша?
— Никогда!
Кончу ль пить я слёз и горя чашу?
— Никогда!

Моя молитва

Даруй мне, Боже,
Просвет во мраке
Безбрежной ночи,
Где жизнь таится.
Дай телу — силы,
Душе — отваги,
Чтоб не сломаться,
Не отступиться,

Чтоб славя имя
Твоё и правду,
Во прах повергнуть
Порок и злобу,
Чтоб каждый другом
Мне был и братом.
Больших и малых
Нет перед Богом!

АЛЕКСА ШАНТИЋ

Охрабри срце
Да, у часу сваком,
Вјерује, љуби
И опрашта злијем,
К'о твоје сунце
Нескврњеном зраком —
Да њиме свуда
Смрзле душе гријем.

Пошљи, Господе,
Утјехе у мраку,
У овој ноћи
Што се живот зове,
И дај ми духу
Св'јетлу вољу јаку —
Да ув'јек ступам
На подвиге нове.

Вече на шкољу

Иву Ђипику

Пучина плава
Спава,
 Прохладни пада мрак;
Врх хриди црне
Трне
 Задњи румени зрак.

И јеца звоно,
Боно
 По кршу дршће звук;
С уздахом туге
Дуге
 Убоги моли пук.

Клече мршаве
Главе
 Пред ликом Бога свог, —
Ишту... Но тамо
Само
 Ћути распети Бог...

И сан све ближе
Стиже.
 Прохладни пада мрак.

Пречистой веры
Вдохни мне в сердце,
Пошли мне храбрость
Прощать заблудших,
Чтобы любовью
Могли согреться,
Как солнцем Божиим,
Больные души.

Даруй мне, Боже,
Просвет во мраке
Безбрежной ночи,
Где жизнь таится.
Дай телу — силы,
Душе — отваги,
Чтоб не сломаться,
Не отступиться.

Вечер на острове

Иво Чипико

Море всё тише
Дышит,
Сумрак сгущаться стал;
В чёрные скалы
Алый
Гаснувший луч упал.

Звон колокольный,
Больно
Звуки по сердцу бьют;
С тяжестью горя
Во взоре
Молится бедный люд.

Люд измождённый
Поклоны
Пред Божиим ликом творит —
Мольбы бесщётны —
Тщетны...
Бог распятый молчит.

Ждут сна прихода
Воды,
Сумрак прохладным стал.

АЛЕКСА ШАНТИЋ

Врх хриди црне
Трне

Задњи румени зрак.

Живот

М. М. Ракићу

Не дај ми, Оче, земне прећи путе
Док плод на својој грани не одњивим,
Да пошље смрти будем и да живим
У другом жићу и вјерујем у Те.

Ко никад није горио на огњу
Рођеног срца и гријао друге,
Ко није позн'о моћ љубави дуге
И чуо како благосиља Бог њу;

Ко никад није један живот дао
Извором живим крви Богом дане,
К'о здраво стабло плодове и гране, —
Тај је с проклетством из утробе пао.

Он није био сјеме свете њиве,
Ни атом тијела што држи и спаја;
Он је издајник људских нараштаја —
Убица оних што у њему живе.

Сва блага земна милости бескрајне
Презр'о је срцем и душом немарном,
Нити се гриј'о свјетлошћу олтарном
И био жарцем вјечне мисли сјајне.

И кад доконча и, без једне сузе,
Кад заспу земљом врх лешине мртве,
Доли, у мраку, погребене жртве,
Проклеће Оца што им душу узе.

Па зато, Оче, не дај ми да путе
Довршим земне док плод не одњивим,
Да пошље смрти будем и да живим
У другом жићу и вјерујем у те.

Бадња вече

Вечери света, хоћу ли те и ја
Славити пјесмом радости и среће?

В чёрные скалы
Алый
Гаснущий луч упал.

Жизнь

М. М. Ракичу

Не дай мне, Отче, перейти до срока
Земных пределов, плод свой не взрастив.
Тогда и после смерти буду жив
И в новой жизни буду верить в Бога.

Кто никогда не чувствовал в крови
Огня, кто жил, других не согревая,
Уйдёт, благословения не зная, —
Без святости, без веры, без любви.

Кто жизнь от жизни не создав, до гроба
Усохшей веткой, колосом пустым
Влачил свой век, растаявший, как дым,
Тот проклял материнскую утробу.

Он семенем не стал священных нив,
Где плоть, пробившись, побеждает тленье.
Предатель нерождённых поколений,
Убийца тех, кто только в нём был жив.

Грех безразличья, лик опустошенья,
Все милости земли и неба — зря.
Нет для него сиянья алтаря
И чуда человеческих свершений.

Ни плача, ни молитвы, ни словца
О том, кто умер много раньше смерти.
Лишь света не увидевшие дети
Во мраке вечном проклянут отца.

Вот потому мне, Отче, раньше срока
Не дай уйти, чтобы свой плод взрастить.
Тогда и после смерти буду жить
И в новой жизни буду верить в Бога.

Сочельник

Мне бы воспеть тебя в светлой и радостной песне,
Той, что любому понятна, любому близка,

АЛЕКСА ШАНТИЋ

У моме оку, ево, суза сија,
И моје ране постају све веће.

Твој златни поход и убогу годи,
И види Бога у часима овим;
Нада мноме само мрак студени броди,
И душу бије немирима новим.

У пустој соби сам, к'о сјенка бона,
У себи слушам звук погребних звона
И стискам срце јадно и кукавно.

Вечери света, дођи! Тихо, тише!
Јер овдје нико не чека те више —
Сви моји мили заспали су давно.

Хљеб

Параброд спреман. Море се колеба.
Пошљедњи пламен на западу трне;
Сутон се рађа и с јесењег неба
Полако пада на хридине црне.

Палуба пуна. Руке уздигнуте
Поздраве шаљу и рупцима машу.
У мноштву овом видим чељад нашу,
Наслонили се на перваз па ћуте...

Земљаци моји, докле ћете, докле?
«Тамо, далеко! Јер нас усуд прокле
И на нас паде тврда туча с неба»...

А зар вам није завичаја жао?
«Жао је, брате... Бог му срећу дао...
Но хљеба нема... Збогом! Хљеба... хљеба»...

Гдје је размах снаге?

Сјени Милорада Ј. Митровића

Гдје је размах снаге? Гдје је сила мушка?
И свијетли подвиг дјела непролазних?
Ја видим: нас редом садашњост љуљушка,
К'о дјецу, у мекој зипци снова празних.

Ко се прену на глас братовљевих мука
И с мелемом благим невољнима стиже?

Вечер Сочельника, время свершений чудесных!
Только в глазах моих слёзы, на сердце тоска.

Праздник богатых и бедных, святых и убогих.
Кто не увидит Христа в этот час золотой?
В мире покой, лишь меня донимают тревоги
В комнате, будто присыпанной чёрной золой.

В доме пустом я брожу, словно призрак печальный,
Собственной тенью и звон по себе погребальный
Больно сжимаю в своей омертвелой душе.

Вечер добра и надежды! Приди же, приди же,
Хоть и неожиданным. Но только прошу тебя — тише, —
Все мои близкие люди уснули уже.

Хлеб

Тесно на палубе. Море вздыхает.
Пламя заката поблёлкло вдали.
Сумрак осенний неслышно спадает
С неба на скалы родимой земли.

Люди на судне, своим отвечая,
Машут платками, что-то кричат,
В этой толпе я крестьян замечаю —
Встав у перил, они хмуро молчат.

Братья, кружить вам по свету доколе?
«Долго... Мы прокляты чёрной недолей,
Каменной тучей пригнуло нас небо».

Что ж, и не жалко вам дома родного?
«Жалко... Дай Бог тебе счастья большого.
Хлеба-то нету... Нету, брат, хлеба!..»

Где же ты, отвага?

Тени Милорада Митровича

Где же ты, отвага? Где былая сила,
Подвиги святые ради целей вечных?
Вижу: наше время всех нас усыпило,
Как детишек в зыбке, лаской снов беспечных.

Слыша стоны братьев, кто на помощь встанет
И с целебным зельем поспешит навстречу?

Ко погледа небо раширених рука
И смирене душе крст на плећа диже?

Милиони зову, помоћ ишту нашу,
Но богова нема да испију чашу, —
Трн не боде чело покољења мазних.

Гдје је размах снаге? Гдје је сила мушка?
Ја видим: нас редом садашњост љуљушка,
К'о дјецу, у мекој зипци снова празних.

Христов пут

Овдје нема храма; овдје нигда није
Зазвонило звоно празничкијех дана;
Ал' мени се чини преко ових страна
Да сам Господ ступа и благослов лије.

Пољима се овим свето сјеме сије —
Сви су људи браћа, плод са једних грана;
Ту крв пала није са братских мејдана,
Ја чујем гдје свуда једно срце бије.

Овдје нема храма. Ал' света и чедна,
Ту у сваком срцу стоји црква једна,
Гдје се служи служба праведна и чиста...

О ви што се лажно молите у храму,
Не идите амо! Остајте у сраму!
Јер ту гдје вас буде, неће бити Христа!

Слобода

Петру Кочићу

Она ће доћи! Из смрти, из гроба,
Из мука наших васкрснуће небу,
Да збрише сузе остављеног роба,
Што рањен живи о крвавом хљебу...

Она ће доћи! Ја видим: кроз таму
Пробија свјетлост божанскога лика,
Тирани гнусни даве се у сраму
Док ланци прште силних мученика.

Кто, раскинув руки, вдруг на небо глянет
И с душой смиренной примет крест на плечи?

Миллионы в муках ищут помощь нашу,
Только где же боги, чтоб испили чашу? —
Тёрн чело не колет поколений вялых.

Где же ты, отвага? Где былая сила?
Вижу: наше время всех нас усыпило
В зыбке снов беспечных, как детишек малых.

Христов путь

В этом бедном крае нет святого храма,
Не слышали никогда праздничного звона;
Но я вижу: по земле скудной неуклонно
Сам Господь ступает, благодать даря нам.

На полях на этих все ростки желанны —
Здесь святое семя сеется исконно;
Все сердца едины и не слышно стонов,
Ибо братской кровью не вскипали раны.

Храма нет, но в каждом сердце, непорочна,
Здесь утверждена Божья церковь прочно.
Литургия здешняя праведна, чиста...

Вы, все те, кто лживо молится во храме,
Не ходите вы сюда! Пребывайте в сраме!
Там, где вы, не будет и не было Христа!

Свобода

Петару Кочичу

Она придёт! Из смерти, из могилы,
Из наших мук она воскреснет в небе,
Чтоб слёзы осушить рабам унылым,
Едва живущим на кровавом хлебе...

Она придёт! Уже сквозь тьму и горе
Грядёт сияние божественного лика,
Тираны задыхаются в позоре,
Им не услышать мучеников крика.

Она ће доћи, свијетла и чиста
Ко суза мајке, као љубав Христа,
Да сужње води из тамничких врата.

Ах, моја душа већ је ћути близу —
Ја видим њену Божанствену ризу,
И чујем ропац крвавих Пилата...

Ми знамо судбу...

Стевану Сремцу

Ми знамо судбу и све што нас чека,
Но страх нам неће заледити груди!
Волови јарам трпе, а не људи, —
Бог је слободу дао за човјека.

Снага је наша планинска ријека,
Њу неће нигда уставити нико!
Народ је ови умирати свик'о —
У својој смрти да нађе лијека.

Ми пут свој знамо, пут Богочовјека,
И силни, као планинска ријека,
Сви ћемо поћи преко оштра кама!

Све тако даље, тамо, до Голготе,
И кад нам мушке узмете животе,
Грбови наши бориће се с вама!

На путу

Хитри коњи фркћу. Моја кола нагле,
А тамо, далеко, у сумраку тамном,
Све се већма губе и остају за мном
Оштре, голе греде и туробне магле.

Нигде никог. Само, докле мирно тоне
Новембарско сунце и за врхом трне,
У струкама магле за мном чета срне;
То су боли моји што ме снова гоне.

«О ви сенке мутне, ви авети бледе,
Прођите се више сморена бегунца,
Вратите се тамо у магле и греде, —
Ја покоја хоћу! Хоћу среће, сунца!»

Она придёт, прекрасна и чиста,
Как слёзы матерей, любовь Христа,
Чтоб вывести нас из тюремных врат.

Душа готова — час надежды близок,
Я вижу светлую, божественную ризу.
Предсмертным хрипом давится Пилат.

Мы знаем, что нас ждёт...

Стевану Сремацу

Мы знаем, что нас ждёт, чем завершится век,
Но чужд нам ужас, леденящий груди,
Волы несут ярмо — ярма не стерпят люди,
Свободным создан человек!

И наша мощь в порыве гордых рек,
Сметающем запруды и преграды, —
Народ умеет умирать, как надо,
Ему не страшен скорбный, смертный берег.

По нашему пути шёл Богочеловек,
Мы — слава, мы — порыв, мы — ярость горных рек,
Струящихся вперёд, дробящих твёрдый камень,

Пусть гибель впереди, пускай Голгофа ждёт,
Вы не убьёте нас, отвага не умрёт,
Могилы наши будут биться с вами.

В дороге

Дребезжит повозка. Резвы мои кони.
Позади остались, утонув в тумане,
Голые утесы, выцветшие камни,
Мертвые долины. Мчимся — не догонят!

Ни души. Над миром солнце остывает,
Свет его осенний по земле струится.
Кто же там, во мраке, за спиной таится,
Кто спешит за мною, грозно настигая?

Это мои боли, горести и слезы!
«Почему вернулись, что же вам неймётся?
Отправляйтесь снова за свои утесы,
Я хочу покоя, радости и солнца!»

Но залуду вапај... Све ближе и ближе,
С барјацима магле, грдни повор стиже,
И к'о гладни пантер иза кола срне.

И ја чујем како преко страна стрми'
Његов дивљи кикот шири се и грми,
К'о хрид кад се руши у бездани црне.

Оживи мене, ноћи...

Поздрављам тебе и твоју самоћу,
Твој шум и златни повратак звијезда!
К'о тице кад их гоне из гнијезда,
Ја бјежим теби, јер покоја хоћу.

Једва сам чек'о на ове тренутке
С немиром срца и са болом груди;
Ја сам сит вреве и досадних људи
И празна доба што нам рађа лутке.

Оживи мене, ноћи Богом дана!
Ступи, и тихо преко мојих рана
Положи твоје меко, топло крило!

Узми ме, дигни, и са мном одброди
Негдје далеко, незнаној слободи,
Гдје нигда није ових људи било!

* * *

Обешчашћено и кукавно доба,
Епохо мрља и ругобе трајне
У дубокијем тамницама гроба,
Гдје леже сунца и истине сјајне,

У твоје мору блата разум грца,
И нигдје копна ни обала тврди!
Лешино гњила расцрвана срца,
Са твога смрада траг богова смрди.

Плодови твоји златни су кумири,
Издајство мисли, тортуре, синцири,
Губа и пород гнојавијех груди.

И ја се, ево, твојим смрадом трујем,
И свој нос стискам и на тебе пљујем,
Ругобо гнусна без части и људи.

Но мольбы напрасны. Ближе, ближе, ближе
Поступь их глухую по дороге слышу,
Никуда не скрыться мне от полчищ черных.

За моей повозкой, хохоча все громче
Зверем ненасытным мчится сумрак ночи,
Рык его ужасный рушит в бездну горы.

Оживи меня, ночь

Приветствую тебя, и одиночество,
И золотое возвращенье звёзд!
Как птицы, когда гонят их из гнёзд,
Бегу к тебе, ибо покоя хочется.

Я падаю под твой желанный купол
С тревогой в сердце, колотъём в груди;
Сыт суматохой, пошлыми людьми,
Пустой эпохой, что рождает кукол.

Я оживаю ночью, Богом данной!
Приди и тихо возложи на раны
Мне мягкое и тёплое крыло!

Возьми меня туда, где так светло,
В тот край неведомой свободы, где
Не будет никогда таких людей!

* * *

Бесчестная, трусливая эпоха,
Эпоха грязных пятен и подонства,
В застенке тьмы забытой правде плохо,
В гробу лежит поверженное солнце,

В твоём помойном море вязнет разум,
Нет впереди надёжных берегов!
Червивый труп с обличьем безобразным,
Твоим зловоньем мечен след богов.

Плоды твои — кумиры золотые,
Измена мысли, пытки, кандалы и
Проказа, и потомство с гнойной грудью.

Я не хочу отраву пить твою,
Дышать тобой. Я на тебя плюю.
Мразь гнусная, тебя отторгнут люди.

У албум

Не варај себе ни разум свој,
Живот је само на земљи тој.

Послије њега ниједан глас
Из праха неће подићи нас.

Вјеруј у ону истинску моћ —
У вјечну самрт и њену ноћ.

У гробу негда, ја добро знам,
Трунуће с нама и Отац сам.

Овдје је само пак'о и рај;
Овдје је извор, овдје је крај.

Краљ и препелица

«Препелице, стани, не развијај крила,
У моме би двору тако срећна била!»

«Најљепши су двори с кровом од звијезда,
Моје среће нема без мојих гнијезда».

«Пазио бих на те што бих знао боље —
Имала би хране све до миле воље».

«Просјаци су они што их други храни;
Моја храна само плод је Богом дани».

«У мене је блага, све хрпе на броју,
Обасућу благом сваку пјесму твоју».

«Моја пјесма није пусто робље с лађа, —
Моја пјесма, краљу, слободно се рађа!»

Моја отаџбина

Не плачем само с болом свога срца
Рад' земље ове убоге и голе;
Мене све ране мога рода боле,
И моја душа с њим пати и грца.

Овдје у болу срца истрзана
Ја носим клетве свих патња и мука,

В альбом

Не надо, не лги самому себе,
Живём мы только здесь, на земле.

После жизни ничей приказ
Из праха уже не поднимет нас.

Поверь — уж тут ничем не помочь —
В вечную смерть и вечную ночь.

В гробу, я знаю, всему конец:
Истлеет с нами и сам Отец.

Лишь на земле — и пекло, и рай;
Здесь исток наш и здесь нам край.

Король и перепёлка

«Перепёлочка, постой, не маши крылами,
Ты в моем дворце со мной счастлива была бы!»

«Лучшие дворцы, по мне — с крышей из звёзд,
Мне на свете счастья нет без моих гнёзд».

«Я б тебя, душа моя, баловал и холил —
Было б у тебя всегда пищи вволю».

«Попрошайки — те, кого кормят много;
Моя пища — только плод, данный Богом».

«У меня сокровищ горы, всех не счесть,
Я осыплю золотом твою песнь».

«Моя песня — не галерный раб негодный,
Моя песня, король, рождена свободной!»

Моя отчизна

Я плачу о тебе, убогая земля,
Не только кровью собственного сердца.
Всей болью моего народа-страстотерпца
Я о тебе скорблю, судьбу его деля.

Его обид и мук на мне лежит проклятье,
Я кровью заплатил за каждый сердца стук.

И крв што капа са душманских рука,
То је крв моја из мојијех рана.

У мени цвиле душе милиона;
Мој сваки уздах, свака суза бона
Њиховим болом вапије и иште...

И свуда гдје је српска душа која,
Тамо је мени отаџбина моја —
Мој дом и моје рођено огњиште.

Ви...

Ви, те вам слаба душа у мору сујете тоне,
У кругу што се чује ваш родољубља глас,
Ви, те вам у *малом* срцу пусте се жеље гоне
Снивајућ славу, час; —

Покаж'те вашим радом, прегнућем вашим, дјелом,
Дому, народу своме ваш родољубља мар,
Стан'те на браник права узгоренијем челом
За ошпту свету ствар.

Бацајте маску с лица, отвор'те ваше груди
Чистој истини неба. Маните празан глас
И разметање ваше. Будите дјелом људи,
И народ славиће вас.

О класје моје...

О класје моје испод голих брда,
Мој црни хљебе, крвљу поштрапани,
Ко ми те штеди, ко ли ми те брани
Од гладних тица, моја муко тврда?

Скоро ће жетва... Једро зрње зрије...
У сунцу трепти моје родно село.
Но мутни облак притиска ми чело,
И у дно душе гром пада и бије.

Сјутра, кад оштри заблистају српи
И сноп до снопа као злато пане,
Снова ће тећи крв из моје ране —
И снова пати, сељаче, и трпи...

Сву муку твоју, напор црног роба,
Појешће силни при гозби и пиру...

По капле кровь моя стекает с вражьих рук.
На землю скорбную она легла печатью.

В моих слезах — чужой слезы святая соль.
И сотни душ с моей свою сливают боль.
И в жалобах моих звучат их укоризны.

Везде, где сербская отыщется душа,
Я нахожу приют, взволнованно дыша
Священным воздухом своей отчизны.

Вы...

Вы, чьи слабые души уже вкусили отравы
Пустой суеты, высоких и бесполезных фраз
О родине и свободе, вы, грезящие о славе, —
Кто же услышит вас?

Где ваша борьба и воля, жертвенность и забота?
Ваши сердца потухли, голос бессильный тих.
Встаньте же на защиту попранных прав народа,
Древних святынь своих!

Маску с лица сорвите, грудь отворите смело
Чистой истине неба. Бойтесь ненужных фраз.
В слово вдохните душу, дух пробудите делом, —
Люди прославят вас!

Мои колосья

Мои колосья на пустынном взгорье,
Мой чёрный хлеб, политый нашей кровью.
Кто сбережёт тебя своей любовью
От птиц голодных? Горе моё, горе!

Дни жатвы близки. Созревают зёрна.
Как над родным селеньем солнце жгуче!
Но наплывают на душу мне тучи,
Жжёт молния её, как пламень горна.

Серпом блестящим колос будет ранен,
Сноп за снопом как золото заблещут.
Но снова сердце мукой затрепещет:
Опять страдай, терпи опять, крестьянин!

Твой рабский труд и все твои страданья
На пиршествах поглотят богатеи,

АЛЕКСА ШАНТИЋ

А теби само, к'о псу у синциру,
Баџиће мрве... О, срам и грдоба!...

И нико неће чути јад ни вапај —
Нити ће ганут бол пјану господу...
Сељаче, гољо, ти си прах на поду,
Тегли и вуци, и у јарму скапај!

О класје моје испод голих брда,
Мој црни хљебе, крвљу поштрапани,
Ко ми те штеди, ко ли ми те брани
Од гладних тица, моја муко тврда?!

Путничка песма

С преломљеним копљем све лутам по свету,
И очи ми јоште не видеше мету:
Оазе су моје трошни шедрвани,
Слатке урме грки сухарци на грани.

Пролеће је моје вејавица снега
И суморна песма кукавице с брега;
Вечери и зоре: облаци без дуге,
Ноћи: црне јаме и колевке туге.

Све су моје цркве катакомбе бледе,
Саркофази гњили и крстаче седе;
Све молитве груби смех сатанских труба,
Грч и стисак пести и шкргути зуба.

Само једном срећу на путу сам срео,
Кад ме њене душе осу бехар бео...
После тога стену, где се трње вије,
Никад више сунце огрејало није...

Тебе лишь крохи со стола злодеи
Швырнут, как псу. О, стыд! О, поруганье!

Что пользы плакать? Ваша боль, поверьте,
Но тронет потонувших в изобилье.
Крестьянин, ты лишь прах, лишь горстка пыли,
Тяни ярмо, тяни до самой смерти!

Мои колосья на пустынном взгорье,
Мой чёрный хлеб, политый нашей кровью,
Кто сбережёт тебя своей любовью
От птиц голодных? Горе моё, горе!

Песня странника

Сколько ни скитаюсь я по белу свету,
А душе покамест утешенья нету:
Лучший мой оазис чахнет без водицы,
Финикам осталось в сучья превратиться.

Мои вёсны — вьюги снежной завыванье
Да кукушки грешной душеизлиянье;
В зори и закаты — на небе ни краски,
Ночи: чёрны ямы колыбельной тряски.

Все-то мои церкви — в катакомбах пыльных,
Вереницы склепов да крестов могильных;
Все молитвы — вопли сатанинских дудок,
Содроганья плоти и больной рассудок.

Лишь однажды милость на пути я встретил —
Речь её струилась, лик был чист и светел...
Больше над утёсом, тернием увитым,
Не вставало солнце в уголке забытом...

Указатель произведений

Лаза Костич

Снятся сны... Перевод Г. Фадеева	27
Прометей [Фрагмент]. Перевод В. Кочеткова	
«К скале-горе прикованный титан...»	27
Певческий гимн. Перевод В. Кочеткова	29
Сотворение мира. Перевод А. Базилевского	33
Эх, несчастная... Перевод А. Базилевского	33
Колокол. Перевод А. А. Базилевского	35
Между явью и меж сном. Перевод И. Чивилихиной	35
Дым. Перевод Т. Шехановой	37
Братья-христиане... Перевод Г. Фадеева	39
Дон Кихоту. Перевод Т. Шехановой	41
Santa Maria della Salute. Перевод В. Кочеткова	43

Воислав Илич

Звезда. Перевод С. Штейна	55
Старик. Перевод Ю. Покровской	55
Дуб. Перевод А. Мартынова	57
Зимнее утро. Перевод В. Потаповой	57
Песня пожарников. Перевод М. Базилевской	57
Последний гость. Перевод Т. Шехановой	59
T* («Прерывисто жёлтые листья шуршали...»). Перевод С. Штейна	59
Доброй ночи! Перевод М. Базилевской	61
Хмурый день. Перевод А. Базилевского	63
На охоту! Перевод А. Базилевского	63
«Хмуруется серое небо. Вьюнка иссохшие плети...» Перевод В. Корчагина	63
«Тихо... Только звуки трелей соловьиных...» Перевод С. Штейна	65
«Мне вчера она явилась...» Перевод С. Штейна	65
На заре. Перевод А. Базилевского	67
Райский цветок. Перевод А. Базилевского	67
«Раздвинь скорей занавески и окна раскрой пошире...» Перевод Т. Шехановой	67
Арнаутка. Перевод А. Голова	69
Поздней осенью. Перевод К. Арсеновой	69
Святой Савва. Перевод В. Осипова	69
Турция. Перевод Т. Шехановой	71
Серб в раю. Перевод А. Базилевского	73
Гимн веков. Перевод А. Базилевского	73
Вестник свободы. Перевод А. Длигача	75
С угасшим взглядом. Перевод А. Базилевского	77

Алекса Шантич

Немилосердному богачу. <i>Перевод А. Базилевского</i>	83
Надежда. <i>Перевод М. Базилевского</i>	83
«Тебя я ненавиждеть не могу...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	85
Моя ночь. <i>Перевод П. Семьнина</i>	87
Моя молитва. <i>Перевод Е. Польгуйевой</i>	87
Вечер на острове. <i>Перевод М. Рыжовой</i>	89
Жизнь. <i>Перевод Е. Польгуйевой</i>	91
Сочельник. <i>Перевод Е. Польгуйевой</i>	91
Хлеб. <i>Перевод П. Семьнина</i>	93
Где же ты, отвага? <i>Перевод М. Рыжовой</i>	93
Христов путь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	95
Свобода. <i>Перевод А. Базилевского</i>	95
Мы знаем, что нас ждёт... <i>Перевод В. Потаповой</i>	97
В дороге. <i>Перевод Е. Польгуйевой</i>	97
Оживи меня, ночь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	99
«Бесчестная, трусливая эпоха...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	99
В альбом. <i>Перевод А. Базилевского</i>	101
Король и перепёлка. <i>Перевод А. Базилевского</i>	101
Моя отчизна. <i>Перевод В. Потаповой</i>	101
Вы... <i>Перевод Е. Польгуйевой</i>	103
Мои колосья. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	103
Песня странника. <i>Перевод С. Вавилова</i>	105

Милета Якшич

Без друзей. <i>Перевод А. Копанёвой</i>	111
Вечер на траве. <i>Перевод А. Базилевского</i>	111
Тишина. <i>Перевод А. Базилевского</i>	111
Жизнь. <i>Перевод Ю. Фадеевой</i>	113
Ночь. <i>Перевод Ю. Фадеевой</i>	113
Дела, которые прошли. <i>Перевод А. Базилевского</i>	115
Утешение. <i>Перевод А. Базилевского</i>	115
В весенний день. <i>Перевод Н. Новича</i>	117
Эта тишина. <i>Перевод П. Семьнина</i>	119
Из дневника. <i>Перевод С. Вавилова</i>	119
Расставанье. <i>Перевод А. Сикириной</i>	121
Как в темнице. <i>Перевод А. Копанёвой</i>	121
Призраки. <i>Перевод А. Парпары</i>	121
Вила. <i>Перевод В. Кочеткова</i>	123
Молчи. <i>Перевод Ю. Фадеевой</i>	123
Ноябрь. <i>Перевод С. Вавилова</i>	125
Одиночество. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	125
Проходит жизнь. <i>Перевод М. Осмоловской</i>	127
Смерть. <i>Перевод А. Базилевского</i>	127
Уединённый дом. <i>Перевод А. Базилевского</i>	129
Подхалим. <i>Перевод А. Базилевского</i>	131
De gustibus. <i>Перевод А. Базилевского</i>	131
Почему? Потому! <i>Перевод А. Базилевского</i>	131
Кража. <i>Перевод А. Базилевского</i>	133
Скверный ученик. <i>Перевод А. Базилевского</i>	133
Ende gut — alles gut. <i>Перевод А. Базилевского</i>	133
Время. <i>Перевод А. Базилевского</i>	133

Йован Дучич

Песня [1] («Господь засеял мною время...»).	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	139
«В храме обветшалом – ни молитв, ни звона...»	
<i>Перевод С. Штейна</i>	139
«Широкая покоится пустыня...» <i>Перевод Е. Таубер</i>	141
Тополя. <i>Перевод В. Кочеткова</i>	141
Ива. <i>Перевод В. Потаповой</i>	141
Час. <i>Перевод Е. Полянской</i>	143
Встреча. <i>Перевод А. Голова</i>	143
Песня тьмы. <i>Перевод Ю. Покровской</i>	143
Песня [2] («Я растерял за суетой...»). <i>Перевод Ю. Покровской</i>	145
Набожная песня. <i>Перевод А. Базилевского</i>	145
Звёзды. <i>Перевод С. Вавилова</i>	147
Сушь. <i>Перевод Е. Полянской</i>	149
Лес. <i>Перевод Е. Полянской</i>	149
Муравьи. <i>Перевод А. Базилевского</i>	149
Ностальгия. <i>Перевод Ю. Покровской</i>	151
Тьма. <i>Перевод Е. Полянской</i>	151
Скука. <i>Перевод Е. Полянской</i>	153
Рефрен. <i>Перевод Ю. Покровской</i>	153
Возвращение. <i>Перевод А. Голова</i>	153
Забвение. <i>Перевод А. Голова</i>	155
Самая печальная песня. <i>Перевод Ю. Покровской</i>	155
Пророки. <i>Перевод А. Базилевского</i>	157
Песнь о Боге. <i>Перевод А. Базилевского</i>	157
Семя. <i>Перевод А. Базилевского</i>	159
Сагира. <i>Перевод И. Чивилихиной</i>	159
Врбас. <i>Перевод С. Вавилова</i>	161

Светислав Стефанович

Лунный свет. <i>Перевод Б. Романова</i>	167
Величайшее счастье. <i>Перевод Е. Полянской</i>	167
Весна. <i>Перевод И. Числова</i>	167
Под сферами. <i>Перевод В. Осипова</i>	169
Только ты сам. <i>Перевод С. Вавилова</i>	171
Уроки храбрости. <i>Перевод Н. Дерябиной</i>	171
Счастье уединения. <i>Перевод А. Черенковой</i>	173
Полюса. <i>Перевод С. Вавилова</i>	173
Пустые дни. <i>Перевод Н. Дерябиной</i>	173
Нищий. <i>Перевод Н. Дерябиной</i>	175
Последний шаг. <i>Перевод Б. Романова</i>	175
Знание. <i>Перевод Б. Романова</i>	177
Счастье. <i>Перевод С. Вавилова</i>	177
Первый удар колокола. <i>Перевод Е. Гродской</i>	179
Пожар. <i>Перевод Е. Полянской</i>	179
Побеждённые. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	179
Под руинами. <i>Перевод Е. Полянской</i>	181
Смерть. <i>Перевод И. Числова</i>	181
Клятва. <i>Перевод И. Числова</i>	183
Ожидание. <i>Перевод А. Базилевского</i>	183
Твои глаза. <i>Перевод А. Базилевского</i>	185

Хмурый день. <i>Перевод Е. Полянской</i>	185
Злодеяние Бога. <i>Перевод А. Базилевского</i>	187
Бессилие добра. <i>Перевод Е. Полянской</i>	187

Милан Ракич

Кубок. <i>Перевод В. Кочеткова</i>	193
Желание. <i>Перевод И. Бродского</i>	193
Призыв. <i>Перевод Ю. Фадеевой</i>	195
Великая радость. <i>Перевод Ю. Фадеевой</i>	195
Зимняя ночь. <i>Перевод И. Числова</i>	197
Как в сказке. <i>Перевод И. Числова</i>	197
Чигирь. <i>Перевод Ю. Фадеевой</i>	199
Дорогим умершим. <i>Перевод Ю. Фадеевой</i>	201
Одно желание. <i>Перевод А. Базилевского</i>	203
Переходное поколение. <i>Перевод А. Базилевского</i>	205
Рассвет. <i>Перевод А. Базилевского</i>	205
На Косове [Фрагменты]	207
Симонида. <i>Перевод В. Кочеткова</i>	207
Заброшенная церковь. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	209
Минарет. <i>Перевод Ю. Фадеевой</i>	209
Та луна большая лимонного цвета. <i>Перевод Ю. Фадеевой</i>	211
Осина. <i>Перевод А. Базилевского</i>	213

Владислав Петкович-Дис

Простое имя. <i>Перевод А. Базилевского</i>	219
На том холме. <i>Перевод А. Голова</i>	219
Скрипка. <i>Перевод А. Базилевского</i>	221
Утопленные души. <i>Перевод В. Корчагина</i>	221
Утешение. <i>Перевод А. Голова</i>	225
Нирвана. <i>Перевод В. Корчагина</i>	225
По могилам. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	227
Звон к заутрене. <i>Перевод И. Числова</i>	229
Цветы славы. <i>Перевод И. Числова</i>	231
Костыли и палки. <i>Перевод С. Щеглова</i>	233
Кровь и доброта. <i>Перевод А. Голова</i>	233
Наши дни. <i>Перевод А. Базилевского</i>	237
Может, спит она... <i>Перевод В. Корчагина</i>	239

Сима Пандурович

Старые ратники. <i>Перевод С. Вавилова</i>	247
Песня. <i>Перевод Г. Зайцева</i>	247
Торжество. <i>Перевод Г. Зайцева</i>	249
Безропотность. <i>Перевод А. Шараповой</i>	251
Всюду осень. <i>Перевод А. Шараповой</i>	253
След времени. <i>Перевод Г. Зайцева</i>	255
В открытом море. <i>Перевод А. Шараповой</i>	255
Северная ночь. <i>Перевод М. Лаврентьева</i>	257
Удел. <i>Перевод А. Шараповой</i>	259
Наблюдение. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	259
Рондо. <i>Перевод Ю. Гирина</i>	261
Большой Паук. <i>Перевод А. Базилевского</i>	261
Последнее стремление. <i>Перевод А. Базилевского</i>	263

Сцена из будущего. <i>Перевод А. Шарановой</i>	265
Исповедь. <i>Перевод С. Вавилова</i>	267
Равнодушная песня. <i>Перевод А. Базилевского</i>	269

Велько Петрович

Сербская земля. <i>Перевод Р. Романовой</i>	275
Пахарь. <i>Перевод П. Семынина</i>	277
Сначала верьте. <i>Перевод Р. Романовой</i>	277
Не ждите ни чуда, ни милости! <i>Перевод А. Базилевского</i>	279
О зачем. <i>Перевод Р. Романовой</i>	281
На корабле. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	283
Высохшим руслом зияя. <i>Перевод А. Базилевского</i>	285
Рельсы. <i>Перевод А. Базилевского</i>	285
Отойди. <i>Перевод А. Базилевского</i>	287
Пропасть. <i>Перевод А. Базилевского</i>	289
Старый борец. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	291
Когда вспоминаешь — когда веришь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	293

Станислав Винавер

«Кристаллы сияли где-то, среди облаков...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	299
«А случилось вот какое явление...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	299
«Двое солдат в спешке ворочают глины комья...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	299
«Мы — слова признаний...» <i>Перевод Ж. Перковской</i>	301
«От отчаянья мы вскоре...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	301
«Всё, что нас держит, что нас ожидает...» <i>Перевод Е. Гродской</i>	303
«Медленный, грустный и слабый...» <i>Перевод Ю. Вронского</i>	303
«Пищей всё всему безгласной...» <i>Перевод Ж. Перковской</i>	305
«Когда промысел Абсолюта...» <i>Перевод Ж. Перковской</i>	305
«Даже в стуже крика, в муке...» <i>Перевод Ж. Перковской</i>	305
Благое-водознавец. <i>Перевод А. Базилевского</i>	305
Радмило Загорчич. <i>Перевод Т. Стоянович</i>	309
Стоян. <i>Перевод А. Базилевского</i>	311
Европейская ночь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	313
Надпись. <i>Перевод А. Базилевского</i>	315
Небесная механика. <i>Перевод А. Базилевского</i>	315
Звонкий край. <i>Перевод В. Артёмова</i>	317

Милутин Боич

Без родины. <i>Перевод А. Базилевского</i>	323
Религия. <i>Перевод А. Базилевского</i>	323
Верую. <i>Перевод С. Щеглова и В. Пчёлкина</i>	325
Спокойно жду. <i>Перевод А. Базилевского</i>	327
Сыну мозга. <i>Перевод А. Базилевского</i>	327
Волны. <i>Перевод А. Базилевского</i>	329
Молитва. <i>Перевод Р. Романовой</i>	329
Метель. <i>Перевод Е. Полянкой</i>	331
Без ропота. <i>Перевод Р. Романовой</i>	331
Самопознание. <i>Перевод А. Базилевского</i>	333
Голубая гробница. <i>Перевод С. Щеглова и В. Пчёлкина</i>	333
Тайна. <i>Перевод С. Щеглова и В. Пчёлкина</i>	337

Зелёные глаза. <i>Перевод А. Базилевского</i>	337
Смерть тайны. <i>Перевод А. Базилевского</i>	339
Одиночество. <i>Перевод Е. Полянской</i>	339
Ожидание. <i>Перевод А. Базилевского</i>	341
Сонеты	341
I «О, старая истина — все носят маски...» <i>Перевод Е. Полянской</i> ...	341
VI «Боль и тоска в меня вселили веру...» <i>Перевод Е. Полянской</i> ...	343
XVII «Ночь, не беги вперёд неумоимо...» <i>Перевод Е. Полянской</i>	343
XXXV «Где гуслиры? Ведь стяг наш не упал...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	343
XLIII Грешный сонет: Сын земли. <i>Перевод Е. Полянской</i>	345

Иво Андрич

Тьма. <i>Перевод А. Базилевского</i>	351
Ex Ponto [Фрагменты]	351
I. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	
[1] «Случалось ли вам быть выброшенными...»	351
[2] «Я понимаю незримую логику событий...»	351
[4] «О, где то безмолвное слово...»	353
III. <i>Перевод А. Базилевского</i>	
[3] «Двадцать четыре часа во мне царил хаос...»	353
[8] «Жизнь длинна и мучительна...»	353
[12] «И на что ни взгляну — всё песня...»	355
Эпилог. <i>Перевод А. Базилевского</i>	355
Над победами. <i>Перевод А. Базилевского</i>	355
Утонувшее. <i>Перевод А. Базилевского</i>	357
Первая весенняя песня. <i>Перевод А. Базилевского</i>	357
Прогулка. <i>Перевод А. Базилевского</i>	359
1914. <i>Перевод А. Базилевского</i>	359
Утешение сном. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	359
Красные листья. <i>Перевод А. Базилевского</i>	361
Воскресение. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	363
Спасение. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	365
Бегство. <i>Перевод А. Базилевского</i>	365
Устье реки. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	367
Когда я плакал... <i>Перевод А. Базилевского</i>	367
И думаю я... <i>Перевод А. Базилевского</i>	367
Письмо никому. <i>Перевод А. Базилевского</i>	369
Жажда совершенства. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	369
Вуаль. <i>Перевод П. Кошеля</i>	371
Ещё шагаю, как будто иду... <i>Перевод А. Базилевского</i>	371
Всё ближе, ближе. <i>Перевод А. Базилевского</i>	373
Конец. <i>Перевод П. Кошеля</i>	373
Ни богов, ни молитв... <i>Перевод П. Кошеля</i>	373

Милош Црнянский

Судьба. <i>Перевод А. Базилевского</i>	379
Гротеск. <i>Перевод В. Корчагина</i>	379
Солдатская песня. <i>Перевод В. Корчагина</i>	381
Усталой молодёжи. <i>Перевод А. Базилевского</i>	381
Привет. <i>Перевод А. Базилевского</i>	383

Чума. <i>Перевод А. Базилевского</i>	383
На улице. <i>Перевод Е. Гродской</i>	385
Серп месяца на небе. <i>Перевод А. Базилевского</i>	387
Молитва. <i>Перевод А. Базилевского</i>	389
Вначале был свет. <i>Перевод А. Базилевского</i>	389
*Суматра. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	391
Скалы. <i>Перевод Й. Станишича</i>	391
Новое поколение. <i>Перевод А. Базилевского</i>	391
Стражилово [Фрагменты]. <i>Перевод А. Базилевского</i>	393
[1] «Я давно уж заметил, как расплывалось...»	393
[2] «И здесь без краски тайной...»	395
Жизнь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	397
Serbia [Фрагменты]. <i>Перевод В. Корчагина</i>	399
[1] «В водовороте волны в кровь колени мне разбили...»	399
[2] «Но вот гора почти рассыпалась...»	399
[3] «Мир бушевал... И Serbia казалась мне единственной...»	399
[4] «И что ж сегодня я держу в своей руке?...»	401

Момчило Настасиевич

Ненависть. <i>Перевод А. Базилевского</i>	407
Заря. <i>Перевод В. Корчагина</i>	407
Труба. <i>Перевод А. Базилевского</i>	409
Одиночество на площади. <i>Перевод А. Базилевского</i>	409
Серый миг. <i>Перевод А. Семёновой</i>	411
Брату. <i>Перевод А. Семёновой</i>	411
Послание. <i>Перевод А. Базилевского</i>	413
Весть. <i>Перевод В. Кляуса</i>	415
Слова из одиночества. <i>Перевод Ж. Перковской</i>	417
Погребение. <i>Перевод А. Базилевского</i>	419
Воспоминание. <i>Перевод А. Базилевского</i>	419
Из уединения. <i>Перевод А. Базилевского</i>	421
Сказка. <i>Перевод В. Корчагина</i>	423

Растко Петрович

О трении меж душой и телом. <i>Перевод А. Базилевского</i>	431
О сытости сентиментальная легенда. <i>Перевод А. Базилевского</i>	431
Охотничьи бдения. <i>Перевод А. Базилевского</i>	433
Бодинова баллада. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	433
Слово жажды. <i>Перевод Й. Станишича</i>	435
Молитва. <i>Перевод А. Базилевского</i>	437
Со светлым поцелуем на устах [Фрагменты]. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	437
Мысли её — птицы! <i>Перевод А. Ростюкиной</i>	439
Вот возвращение слов — тех, что я произнёс в безграничном волненье... <i>Перевод Ж. Перковской</i>	441
Действительность. <i>Перевод А. Базилевского</i>	441
Она рассеянно проводит рукой. <i>Перевод А. Базилевского</i>	443
В сумерки народ возвращается с полей [Фрагменты].	443
«Где обронят кольцо золотое...» <i>Перевод Б. Романова</i>	443
Девушка в поле. <i>Перевод А. Ростюкиной</i>	445
«Денница пресветлая...» <i>Перевод А. Семёновой</i>	445
«Я выпал из сна: показалось, что кто-то зовёт...» <i>Перевод Ж. Перковской</i>	447

Руки, которые любили! <i>Перевод А. Базилевского</i>	447
Душан Матич	
Я принесу тебе цветы. <i>Перевод А. Базилевского</i>	455
Полны глаза мои ночью. <i>Перевод И. Адельгейм и А. Хованского</i>	455
Реки текут [Фрагменты]. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	457
[I] «Пусть реки текут...»	457
[II] «пусть грязь уносят и боль...»	457
Одиночество. <i>Перевод А. Базилевского</i>	459
Есть вечера. <i>Перевод А. Базилевского</i>	461
Тринадцатое февраля. <i>Перевод И. Адельгейм и А. Хованского</i>	463
Я буквально и безвозвратно. <i>Перевод А. Базилевского</i>	465
Человек это не только. <i>Перевод А. Базилевского</i>	467
Бремя мира. <i>Перевод А. Базилевского</i>	469
Завтра снова [Фрагменты]. <i>Перевод А. Базилевского</i>	471
[I] «Знаю что меня ждёт...»	471
[II] «Завтра отчаяние и солнце...»	473
Десанка Максимович	
Скошенный луг. <i>Перевод Н. Стефановича</i>	479
В бурю. <i>Перевод И. Бродского</i>	481
Полночь. <i>Перевод И. Бродского</i>	481
Вестник. <i>Перевод И. Бродского</i>	483
Сыч. <i>Перевод И. Бродского</i>	483
Вещи. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	485
В корчме. <i>Перевод А. Базилевского</i>	487
Весна, а я увядаю. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	487
Конец лета. <i>Перевод А. Ладинского</i>	489
И это меня пугает... <i>Перевод А. Базилевского</i>	489
Требую помилования. Спор поэта с законником царя Душана [Фрагменты]. <i>Перевод М. Алигер</i>	491
В защиту наивных	491
В защиту хмельного зелья	491
Ты обещала, что будешь вечной. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	493
Молитва перед сном. <i>Перевод А. Базилевского</i>	493
Бродяги. <i>Перевод Н. Корневской</i>	495
Светляки свидетели. <i>Перевод А. Глуховского</i>	497
Запись о войнах. <i>Перевод А. Базилевского</i>	497
И здесь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	497
Разговор в ветвях. <i>Перевод А. Базилевского</i>	499
Песня. <i>Перевод Е. Гродской</i>	499
Закат солнца за Медведником. <i>Перевод М. Алигер</i>	501
Разрушенная церковь. <i>Перевод Н. Горской</i>	503
Не удивляйся. <i>Перевод А. Базилевского</i>	503
Ещё страшнее. <i>Перевод А. Базилевского</i>	505
Разговор с Косовом. <i>Перевод А. Базилевского</i>	505
Радован Зогович	
Яблоня на ветру. <i>Перевод М. Павловой</i>	511
Без границы. <i>Перевод Р. Рождественского</i>	511
Возле Шкодера. <i>Перевод Ю. Кузнецова</i>	513
Инструкция инструктору. <i>Перевод М. Алигер</i>	515

Одинокий маленький маяк. <i>Перевод А. Кушнера</i>	515
Не гаси свет! <i>Перевод И. Инова</i>	517
Сонет [I] («Благословенна та, последняя печаль!..»).	
<i>Перевод М. Алигер</i>	517
Заметка сонетная. <i>Перевод М. Алигер</i>	519
Старик и море. <i>Перевод А. Кушнера</i>	519
Басня. <i>Перевод А. Наймана</i>	521
Ветхозаветная притча I («Был выбран козёл отпущенья...»).	
<i>Перевод А. Наймана</i>	521
Ветхозаветная притча III («Козёл, осуждённый на то, чтоб быть...»).	
<i>Перевод А. Наймана</i>	523
Горькая весна. <i>Перевод А. Кушнера</i>	523
Сон и день потом. <i>Перевод А. Наль</i>	525
Хорошо, что была ты. <i>Перевод А. Наль</i>	525
На полях «Божественной комедии» Данте [Фрагмент].	
<i>Праустройство. Перевод А. Наймана</i>	527
Прежде чем умрёшь, не умирай. <i>Перевод А. Кушнера</i>	527
Собака и ветер. <i>Перевод А. Кушнера</i>	529
Сонет [III] («Смотри же не польстись на то, что предлагают...»).	
<i>Перевод А. Кушнера</i>	531
Галилеянин на смертном одре. <i>Перевод А. Кушнера</i>	531

Душан Радович*

Темнота. <i>Перевод Т. Макаровой</i>	537
Если семь весёлых ребят... <i>Перевод Т. Макаровой</i>	537
Санглангалинглатг. <i>Перевод Т. Макаровой</i>	539
Когда был мрак... <i>Перевод А. Базилевского</i>	539
Мир. <i>Перевод А. Базилевского</i>	541
Конь и сон. <i>Перевод А. Базилевского</i>	541
Лист. <i>Перевод А. Базилевского</i>	541
Судьбы. <i>Перевод А. Базилевского</i>	541
Ожидание. <i>Перевод А. Базилевского</i>	543
Сколько будет трижды три. <i>Перевод А. Базилевского</i>	543
Свинья. <i>Перевод А. Базилевского</i>	543
Скука. <i>Перевод А. Базилевского</i>	545
Вежливые ответы на серьёзные школьные вопросы.	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	545
Не одежда создаёт человека. <i>Перевод А. Базилевского</i>	545
Другие. <i>Перевод А. Базилевского</i>	547
Да или нет. <i>Перевод А. Базилевского</i>	547
Когда дети думают. <i>Перевод А. Базилевского</i>	547
Что страшно. <i>Перевод А. Базилевского</i>	549
Большие и маленькие. <i>Перевод А. Базилевского</i>	549
Прейскурант. <i>Перевод А. Базилевского</i>	549
О плаче [Фрагменты]. <i>Перевод А. Базилевского</i>	551
[1] «мы плачем когда нас не любят те кого мы любим...»	551
[2] «оплачем тех кто виноват...»	551
[3] «хорошо на кладбище...»	553
[4] «мы плачем перед теми кто нас никогда не поймёт...»	553
[5] «мы знаем как плакать...»	553
[6] «не плачьте о добрых людях...»	555
[7] «мы плачем и стыдимся тех о ком мы плачем...»	555
[8] «слёзы открывают нам глаза...»	557

[9] «те кого мы оплакиваем никогда не узнают как мы их любили...»	557
[10] «мы не умеем быть добрыми зато умеем плакать...»	557
[11] «прежде чем заплакать сделай всё что можешь...»	559
[12] «старые люди не плачут...»	559
[13] «мы не столько радовались счастью...»	559

Васко Попа

Странствие. <i>Перевод А. Базилевского</i>	565
«День для тебя несу благодатный...» <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	565
Дверь. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	565
Гвозди. <i>Перевод А. Базилевского</i>	567
После игры. <i>Перевод М. Алигер</i>	567
Под землёй. <i>Перевод А. Базилевского</i>	569
Наследство звездочёта. <i>Перевод М. Алигер</i>	569
Надменная ошибка. <i>Перевод М. Алигер</i>	571
Мудрый треугольник. <i>Перевод М. Алигер</i>	571
Сказка о сказке. <i>Перевод М. Алигер</i>	573
Голова-бродяга. <i>Перевод А. Базилевского</i>	573
Ничтожество. <i>Перевод М. Алигер</i>	575
Каленич. <i>Перевод В. Бурича</i>	575
Косово поле. <i>Перевод А. Базилевского</i>	577
Миссия дрозда. <i>Перевод А. Базилевского</i>	577
Я защищаю. <i>Перевод А. Базилевского</i>	579
Письмо другу за границу. <i>Перевод А. Базилевского</i>	579
Белградская библиотека. <i>Перевод Н. Корневской</i>	581
«Псина непостижимая псина...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	581
Красная фанфара. <i>Перевод Н. Корневской</i>	583
Сумасшедший выход. <i>Перевод А. Базилевского</i>	583
Дом. <i>Перевод А. Базилевского</i>	585
Строительство. <i>Перевод М. Алигер</i>	585
Великие молчаливники. <i>Перевод М. Алигер</i>	587
О земле. <i>Перевод Н. Корневской</i>	587

Мира Алечкович

Не дай им бог вернуться. <i>Перевод А. Глуховского</i>	593
Не рви и не топчи цветы. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	593
Завтра. <i>Перевод А. Базилевского</i>	593
Незванный гость. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	595
Всем звёздам. <i>Перевод А. Базилевского</i>	595
Послание тени. <i>Перевод А. Базилевского</i>	597
Запись на серебре травы. <i>Перевод В. Чарского</i>	597
Ковчег который не спас Ноя. <i>Перевод В. Куприянова</i>	597
Дай обниму тебя женщина потому что завтра мы станем каменными. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	599
Человек который ушёл в четыре не дождавшись конца своей последней ночи. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	599
И пришли мёртвые. <i>Перевод А. Базилевского</i>	601
Ловушки. <i>Перевод А. Базилевского</i>	603
Циркуль. <i>Перевод А. Базилевского</i>	603
«Приходит полночь, сон уходит...» <i>Перевод В. Куприянова</i>	605
Тишина. <i>Перевод А. Базилевского</i>	605

Чёрные орды идут на нас. <i>Перевод А. Базилевского</i>	605
Горят книги, горят люди. <i>Перевод В. Чарского</i>	607
Плач. <i>Перевод А. Базилевского</i>	607
Свобода. <i>Перевод А. Базилевского</i>	607
И осталось небо лазоревым. <i>Перевод Н. Горской</i>	609
Истина. <i>Перевод А. Базилевского</i>	609
Если ты. <i>Перевод А. Базилевского</i>	609
Ради такой красоты стоило жить. <i>Перевод А. Базилевского</i>	611
Место казни. <i>Перевод В. Куприянова</i>	611
Последний поезд. <i>Перевод А. Базилевского</i>	613
Спешка. <i>Перевод А. Базилевского</i>	615

Бранко В. Радичевич

Когда-нибудь случится. <i>Перевод Е. Винокурова</i>	621
Поэт. <i>Перевод А. Базилевского</i>	621
Речной бог пьёт ракию. <i>Перевод Ж. Перковской</i>	623
Неизвестный солдат. <i>Перевод А. Базилевского</i>	623
Вечная Пехота. <i>Перевод А. Базилевского</i>	625
Поминанье. <i>Перевод Б. Романова</i>	627
Колыбельная для мамы. <i>Перевод М. Базилевского</i>	629
Простые стихи о любви. <i>Перевод А. Базилевского</i>	629
Песня недовольного тела. <i>Перевод А. Базилевского</i>	631
1. Пока земля идёт	631
2. Когда утону	631
Петух и смерть. <i>Перевод В. Чарского</i>	633
Баллада об отцах. <i>Перевод Б. Романова</i>	633
Тот, кто дошёл. <i>Перевод А. Базилевского</i>	635
Пузырёк. <i>Перевод В. Чарского</i>	639
Тосты. <i>Перевод Ж. Перковской</i>	641
*Слово. <i>Перевод А. Базилевского</i>	641

Слободан Маркович

«Сделай так, чтобы день отошёл безгрешно...»	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	649
Бледная гостя. <i>Перевод А. Базилевского</i>	649
Чаши. <i>Перевод А. Базилевского</i>	649
Осенью. <i>Перевод М. Вирты</i>	651
Серебряная тишь. <i>Перевод Ж. Перковской</i>	651
Ночью, когда пухнет голова. <i>Перевод А. Базилевского</i>	655
«В вечном страхе вдруг поезд уйдёт...»	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	655
«Возвращается время...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	657
«Я могу уйти, стать суровым...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	657
Смерть. <i>Перевод А. Базилевского</i>	657
Прах. <i>Перевод А. Базилевского</i>	659
Защитница дождя. <i>Перевод В. Чарского</i>	661
«Улица, перекрытая проулками, как решёткой...»	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	663
«Я казался тебе, хоть был рядом...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	665
Тёмный банкет [Фрагменты]	665
XXVIII «О тех, кто сам утоп, не говорят сердечно...»	
<i>Перевод А. Парнары</i>	665

XLIII «Как тяжело, когда ты думаешь о дне...»	
<i>Перевод В. Чарского</i>	667
Утренняя молитва. <i>Перевод А. Базилевского</i>	667
Безымянный крест. <i>Перевод Ж. Перковской</i>	667
«Ведь Россия всегда, когда для своих ты вдруг стал чужим...»	
<i>Перевод В. Чарского</i>	669
<i>Credo. Перевод А. Базилевского</i>	669

Стеван Раичкович

Песня травы. <i>Перевод А. Ревича</i>	677
Дожди. <i>Перевод И. Числова</i>	677
Сентябрь. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	679
Так хорошо быть одному. <i>Перевод В. Кочеткова</i>	679
Двери в ночь отвори. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	679
Далёкое дерево одинокое. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	681
Руки боли. <i>Перевод М. Петровых</i>	681
Колыбельная камня. <i>Перевод А. Кушнера</i>	683
Приходит холодное время года. <i>Перевод А. Кушнера</i>	683
Стихи [Фрагменты]	683
«Воскресенье. Лето. Вдруг на город мирный...»	
<i>Перевод Г. Кружкова</i>	683
«Зову тебя, песня, из тьмы, из вечерней поры...»	
<i>Перевод Ю. Левитанского</i>	685
«В стекле оконном, будто на картине...» <i>Перевод М. Алигер</i>	685
«А что нам напомнило, песня, деревце белое...»	
<i>Перевод Ю. Левитанского</i>	687
«Мы стоим под небом, и на нас с тобою...»	
<i>Перевод Г. Кружкова</i>	687
«Я не знаю, тень от ветки или ветку...» <i>Перевод А. Кушнера</i>	687
«Всю-то ночь мы, песня, над листом сидели...»	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	689
«Луч рассветный, как труба, нас поднимает...»	
<i>Перевод А. Кушнера</i>	689
«Ветер в дом стучится, бьёт по черепице...»	
<i>Перевод Ю. Покровской</i>	689
«Мы с тобой стихи забытые открыли...» <i>Перевод А. Кушнера</i>	691
«Споём, моя песня, пока не вышел срок...»	
<i>Перевод А. Кушнера</i>	691
«Вы, стихи мои, со мной в дороге трудной...»	
<i>Перевод А. Кушнера</i>	691
«Пишу не для тебя и не для тех и этих...» <i>Перевод М. Алигер</i>	693
*«На стене краснеют листья винограда...»	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	693
«Лети же, слово, камнем в темноту...» <i>Перевод И. Числова</i>	693
«Эта ночь была совсем пуста...» <i>Перевод Ю. Покровской</i>	695
По краю. <i>Перевод Ю. Покровской</i>	695
Записки о черном Владимире [Фрагмент]	695
6. Стихотворение о болезни Владимира Пурича.	
<i>Перевод В. Кочеткова</i>	695
Случайная запись. <i>Перевод Ю. Покровской</i>	697
*Пыточное колесо [Фрагменты]. <i>Перевод А. Базилевского</i>	697
9 «Я себя собираю, составляю своё тело...»	697

11 «Эх, а я-то уж втайне надеяться стал...»	697
16 «Чувствую, я притворяюсь перед всеми...»	697
Возможно ль на полночном перевале. <i>Перевод Ю. Покровской</i>	699
*На сентябрьском пляже в Герцег-Новом в 1991 году. <i>Перевод А. Базилевского</i>	699

Миодраг Павлович

Плач по Смедереву. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	705
«Стать чужим или остаться...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	705
Эпитафия древнеславянскому поэту. <i>Перевод А. Базилевского</i>	705
Охота. <i>Перевод А. Базилевского</i>	707
Богомильская песня. <i>Перевод М. Карасёвой</i>	709
Исток песни. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	711
Как только опустится крышка. <i>Перевод А. Базилевского</i>	711
Последний обед. <i>Перевод А. Базилевского</i>	713
Научитесь петь. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	715
«Покойник ко мне повернулся спиной...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	717
Вода. <i>Перевод А. Базилевского</i>	717
Угроза. <i>Перевод А. Базилевского</i>	717
Ссора. <i>Перевод А. Базилевского</i>	719
«Человек — мера всех вещей...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	719
«Нет ничего выше, чем то, что может себя осознать...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	719
«Стража прозорлива и пречудна...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	721
«Разве хоть кто-то был спасён...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	723
«Свет, который есть свет...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	723
«Глазом не моргни...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	723
«Предметы делятся на мягкие и твёрдые...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	725
«Есть ли у истории шифр?...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	725
Храм. <i>Перевод А. Базилевского</i>	725
Правосудие. <i>Перевод А. Базилевского</i>	727
Убежище. <i>Перевод А. Базилевского</i>	727

Изет Сарайлич

«После бомб и развалин мы повстречались, милая...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	733
Поезда унесут нас в последнюю осень. <i>Перевод А. Базилевского</i>	733
Наша первая любовь. <i>Перевод И. Чивилихиной</i>	735
Немцы. <i>Перевод Ю. Романенкова</i>	735
Уже вечер. <i>Перевод А. Базилевского</i>	735
Его улица. <i>Перевод Е. Винокурова</i>	735
Говорю о Европе. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	737
«С дроздом объединившись, воробей...» <i>Перевод И. Инова и В. Честного</i>	739
«В кафе под утро муторно и пусто...» <i>Перевод И. Инова и В. Честного</i>	739
Швейцария. <i>Перевод И. Инова и В. Честного</i>	739
Не умирайте, друзья! <i>Перевод И. Чивилихиной</i>	741
Блюз. <i>Перевод И. Чивилихиной</i>	741
Руки. <i>Перевод А. Базилевского</i>	741

«Кроме будущего, у поэзии нет союзников...»	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	743
«Мы не знакомы. Но мы враги. И навсегда, похоже...»	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	743
Судят. <i>Перевод А. Базилевского</i>	745
Радовану Караджичу. <i>Перевод А. Базилевского</i>	745
Патриотизм югославских писателей. <i>Перевод И. Чивилихиной</i>	747
В защиту литературных героев. <i>Перевод И. Чивилихиной</i>	747
«Если бы я в ту пятницу умер в Париже...»	
<i>Перевод Ю. Романенкова</i>	749
Без названия, но и без особой горечи. <i>Перевод И. Чивилихиной</i>	749
Юному старцу от старого юнца. <i>Перевод А. Базилевского</i>	751
Купля-продажа. <i>Перевод Ю. Романенкова</i>	751
Прошло твоё время, маэстро. <i>Перевод А. Базилевского</i>	751
Отпадение функций. <i>Перевод А. Базилевского</i>	751
Лгут. <i>Перевод А. Базилевского</i>	753
Эй, революционер, давай не будем изменять мир.	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	753
Новое прочтение классики. <i>Перевод Ю. Романенкова</i>	753
Вдобавок ко всем моим крупным недостаткам.	
<i>Перевод Ю. Романенкова</i>	755
Из другого стихотворения. <i>Перевод А. Базилевского</i>	755

Бранко Милькович

Феникс. <i>Перевод А. Базилевского</i>	761
Дис. <i>Перевод А. Шараповой</i>	761
Орфей в подземном мире. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	763
Сонет о птице. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	763
Трагические сонеты [Фрагменты].	765
IX Начало забвения. <i>Перевод А. Шараповой</i>	765
XII Проповедование огня. <i>Перевод В. Корчагина</i>	765
Душа ракии. <i>Перевод А. Шараповой</i>	765
Чёрный ямб сна [Фрагмент]. <i>Перевод В. Корчагина</i>	
I «Чуть лишь засну я, зреет тёмный звук...»	767
Свирель. <i>Перевод В. Корчагина</i>	767
Тёмное царство. <i>Перевод А. Шараповой</i>	769
Похвала огню. <i>Перевод В. Корчагина</i>	769
Прилив забвенья. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	771
Баллада. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	771
Песня на ветру. <i>Перевод Ж. Перковской</i>	773
Когда мы говорим. <i>Перевод А. Базилевского</i>	777
Привет. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	777
Песня о цветке. <i>Перевод А. Базилевского</i>	777
Нечистая совесть. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	779
Её не помнят люди дальних рек. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	779
На мой 27-й день рождения. <i>Перевод Ж. Перковской</i>	781
Осознание стихотворчества. [Фрагмент]. <i>Перевод В. Корчагина</i>	
III «Я смог бы – верю! – слов заветных ради...»	781
*«Сумеет ли свобода петь так...» <i>Перевод Й. Станишича</i>	783

Витомир Николич

Воскресенье в городе Н. <i>Перевод А. Базилевского</i>	789
--	-----

Слишком всё печально. <i>Перевод А. Базилевского</i>	789
Между нами и синим небом. <i>Перевод А. Базилевского</i>	789
Сентябрь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	791
Верстовые столбы. <i>Перевод А. Базилевского</i>	791
Картина из детства. <i>Перевод А. Базилевского</i>	791
Мир. <i>Перевод А. Базилевского</i>	793
Побег. <i>Перевод А. Базилевского</i>	793
Обездороженность. <i>Перевод А. Базилевского</i>	793
Не верю я этой ночи. <i>Перевод А. Базилевского</i>	793
Минута молчания о живых. <i>Перевод А. Базилевского</i>	795
Тоска — забыли меня дороги. <i>Перевод А. Базилевского</i>	795
«Где ж мы с тобой встречались-то...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	795
Поэт, или Укрыватель. <i>Перевод А. Базилевского</i>	797
Метель [I] («Он один, и снег, и ветер...»). <i>Перевод А. Базилевского</i>	797
Нежданная надежда. <i>Перевод А. Базилевского</i>	797
Запись. <i>Перевод А. Базилевского</i>	797
Утро. <i>Перевод А. Базилевского</i>	799
Марш. <i>Перевод А. Базилевского</i>	799
Проклятье. <i>Перевод А. Базилевского</i>	799
Дураков пожелают дороги. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	801
Однажды, когда нас не будет. <i>Перевод А. Голова</i>	801
Две строфы березе. <i>Перевод М. Кореновой</i>	803
Реквием для скитальца. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	803
Оборванное волшебство. <i>Перевод А. Голова</i>	805
Осенний катрен. <i>Перевод А. Базилевского</i>	805
Метель [II] («Третьи сутки мы не видим дня...»). <i>Перевод А. Базилевского</i>	807
Заметка на распутье. <i>Перевод А. Базилевского</i>	807
Сергей Александрович Есенин (1895–1925 и обратно). <i>Перевод А. Осмоловского</i>	807
«Хоть бы капельку отгави...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	809
Ночь с Дубровником. <i>Перевод А. Голова</i>	809
«До свиданья дорогие...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	811

Любомир Симович

Мрак. <i>Перевод А. Базилевского</i>	817
Шлемы [Фрагмент]	819
«Воины! В руки свои отсечённые...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	819
Оккупация Ужиц. <i>Перевод А. Базилевского</i>	819
Судный день. <i>Перевод А. Базилевского</i>	819
Командирша. <i>Перевод Ж. Перковской</i>	821
Пророки на Косовом поле. <i>Перевод А. Базилевского</i>	823
Те, на ком держится дом. <i>Перевод А. Базилевского</i>	823
Десять молений Богородице Троеручице Хиландарской. <i>Перевод И. Голубничего</i>	823
Котёл. <i>Перевод Ж. Перковской</i>	827
Вождь. <i>Перевод И. Числова</i>	827
Паломничество к Святому Савве [Фрагменты]. <i>Перевод В. Чарского</i>	829
1 «В каком же мраке остаётся мир...»	829
3 «О, брат, примиривший братьев!..»	829
La rieta. <i>Перевод В. Цыбина</i>	831
Георгины. <i>Перевод А. Базилевского</i>	831

Зимняя заря. <i>Перевод А. Базилевского</i>	833
Песня нуля. <i>Перевод С. С. Куняева</i>	833
Вши. <i>Перевод В. Осипова</i>	835
Летнее утро со стаканом и миской. <i>Перевод А. Базилевского</i>	837
На общей соломе. <i>Перевод А. Базилевского</i>	839
Точка опоры. <i>Перевод А. Базилевского</i>	839

Добрица Эрич

Непогода. <i>Перевод И. Голубничего</i>	845
Жнец звоноголовый [Фрагмент]. <i>Перевод О. Чугай</i>	847
Полдень на винограднике. <i>Перевод Е. Юшина</i>	847
Проклятая весна. <i>Перевод В. Чарского</i>	849
Плод за забором. <i>Перевод И. Голубничего</i>	851
Песнь о Ратаре [Фрагменты]. <i>Перевод А. Базилевского</i>	851
Хранитель земли	851
Жажда на сенокосе в полдень	853
Летят птицы. <i>Перевод В. Чарского</i>	855
Голубиная церквушка. <i>Перевод Г. Климовой</i>	855
Трава всегда молода. <i>Перевод В. Чарского</i>	859
Райские птицы. <i>Перевод В. Чарского</i>	861
Зелёные слова которыми лечусь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	861
Зелье от злобы. <i>Перевод А. Базилевского</i>	863
Плачь, Любимая Земля. <i>Перевод И. Голубничего</i>	865
Корабли. <i>Перевод Л. Яхнина</i>	867
Пролетело лето. <i>Перевод Л. Яхнина</i>	867

Бранислав Петрович

Полночь окраина дождь разговор с другом. <i>Перевод А. Базилевского</i>	873
Чувство будущего. <i>Перевод Г. Куренёва</i>	873
«Всякий сброд, и ангелы, и боги...» <i>Перевод Т. Врубель</i>	873
Приползут они ко мне. <i>Перевод А. Базилевского</i>	875
Тобю быть [Фрагмент]. <i>Перевод А. Базилевского</i>	877
I «Тобю быть — звезда, что изменяет жизнь...»	877
Люди [Фрагменты]. <i>Перевод А. Базилевского</i>	879
Люди-ратники	879
Люди-влюблённые	879
Генерал. <i>Перевод А. Базилевского</i>	879
«Сияющие животные, вам на охоту пора!..» <i>Перевод А. Базилевского</i>	881
Не смирившись, ныряю. <i>Перевод А. Базилевского</i>	881
Мои братья и поют и плачут. <i>Перевод А. Базилевского</i>	881
Пить горькое питьё. <i>Перевод А. Базилевского</i>	883
Куда подевалась звезда. <i>Перевод Т. Врубель</i>	883
Как же красив этот светлый год. <i>Перевод А. Базилевского</i>	883
Ночные стихи. <i>Перевод А. Базилевского</i>	885
«Ждёт меня моя смерть...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	887
У меня ничего этого нет. <i>Перевод А. Базилевского</i>	887
«Скоро тебя прославит дьявольская игра...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	891
«Жить я не умею но клокочет кровь...» <i>Перевод Т. Врубель</i>	891
«Нет больше тьмы, куда не сошёл я...» <i>Перевод В. Чарского</i>	893

«Ты говоришь Боксёр...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	893
Ты открыл окно. <i>Перевод А. Базилевского</i>	895

Милован Данойлич

«Ради лугов, где пасётся солнце кроваво-густое...» <i>Перевод В. Корчагина</i>	901
Ничто не моё. <i>Перевод Е. Волковой</i>	901
Переход. <i>Перевод Е. Волковой</i>	901
Туземные псалмы [Фрагмент]. <i>Перевод М. Осмоловской</i>	903
Х «А когда мы уйдём, будем что-то иное есть...»	903
Баллада бездомных. <i>Перевод А. Голова</i>	903
Я счастлив благодаря истине. <i>Перевод А. Базилевского</i>	905
Просьба. <i>Перевод А. Базилевского</i>	905
Убийцы. <i>Перевод А. Базилевского</i>	907
Потерявший всё. <i>Перевод А. Базилевского</i>	907
Исповедь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	907
Сгустился воздух. <i>Перевод М. Осмоловской</i>	907
Предраассветный сумрак. <i>Перевод А. Базилевского</i>	909
Молния. <i>Перевод А. Базилевского</i>	909
Капля. <i>Перевод А. Базилевского</i>	909
Солнце. <i>Перевод А. Базилевского</i>	909
Зимовье. <i>Перевод Р. Романовой</i>	909
Бессонная ночь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	911
Пробуждение. <i>Перевод Е. Волковой</i>	911
Подсолнух. <i>Перевод А. Базилевского</i>	911
Генерал Григоренко открывает свободу. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	913
Винтовка с чистой совестью. <i>Перевод А. Осмоловского</i>	915
Яблоко, потерянное на базаре Каленича. <i>Перевод А. Базилевского</i>	917
Герой. <i>Перевод А. Базилевского</i>	917
Непроданный хлеб. <i>Перевод А. Базилевского</i>	917
История ненависти. <i>Перевод А. Базилевского</i>	917
Заклинание. <i>Перевод А. Базилевского</i>	919
Очная ставка. <i>Перевод А. Базилевского</i>	921
Медленное созревание. <i>Перевод А. Базилевского</i>	921
Старинная песня. <i>Перевод М. Осмоловской</i>	923

Любиво Ршумович

Что значит для меня неприятель. <i>Перевод А. Базилевского</i>	929
Огородись. <i>Перевод А. Базилевского</i>	929
От отсутствия воздуха. <i>Перевод А. Базилевского</i>	931
Я тороплюсь проснуться. <i>Перевод А. Базилевского</i>	931
Те кто бежит из дома. <i>Перевод А. Базилевского</i>	933
Волк и овечка. <i>Перевод А. Базилевского</i>	933
За углом налево. <i>Перевод А. Базилевского</i>	935
Кто бы мне доложил. <i>Перевод А. Базилевского</i>	935
Призываю валять дурака. <i>Перевод А. Базилевского</i>	937
Семь дармоедов. <i>Перевод А. Базилевского</i>	937
В сутках. <i>Перевод А. Базилевского</i>	941
Единственный путь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	941
Circulus vitiosus. <i>Перевод А. Базилевского</i>	943
Играйте значочками. <i>Перевод А. Базилевского</i>	943
Ты должен быть внимателен. <i>Перевод А. Базилевского</i>	945

Эй, траву не топтать. <i>Перевод А. Базилевского</i>	945
Человек в сером. <i>Перевод Е. Волковой</i>	947
«Мне просто вливали знания...» <i>Перевод М. Базилевского</i>	947
Тепло у меня на сердце. <i>Перевод А. Базилевского</i>	949
Когда. <i>Перевод А. Базилевского</i>	949
Мой народ не знает. <i>Перевод А. Базилевского</i>	951

Матия Бечкович

Ложные дороги. <i>Перевод М. Рыжовой</i>	957
В страшный час. <i>Перевод А. Парпары</i>	957
Надо дорого продать свою шкуру. <i>Перевод А. Базилевского</i>	957
Бунт. <i>Перевод А. Базилевского</i>	959
Косово Поле. <i>Перевод А. Базилевского</i>	959
Нож. <i>Перевод А. Базилевского</i>	961
Че: Трагедия, которой нет конца [Фрагменты].	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	963
[11] «Вы слышали о том, что погиб Че Гевара...»	963
[12] «Лучше всего стрелять в голову...»	965
[14] «Да будет проклята свобода, приходящая после смерти...»	965
[18] «Вы ещё ничего не знаете!..»	965
[29] «Пуля – универсальное лекарство...»	967
[42] «Наша убогая жизнь, запертая на засов...»	967
О вере. <i>Перевод А. Базилевского</i>	969
«Вот и всё — весь наш рассказ досказан...» <i>Перевод А. Базилевского</i>	969
Встреча с молодым русским в Оптиной пустыни.	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	971
Лай. <i>Перевод А. Базилевского</i>	971
Больше нет великих безумцев. <i>Перевод А. Базилевского</i>	975
Привязыванье к мертвецу. <i>Перевод А. Базилевского</i>	977
1999. <i>Перевод А. Базилевского</i>	979
Утешение. <i>Перевод А. Базилевского</i>	979

Радован Караджич

Трибунал [Фрагмент]. <i>Перевод А. Базилевского</i>	985
[7] «Это марево зноя это белое пекло...»	985
«Не смей верить, что полночь черна...».	
<i>Перевод А. Базилевского</i>	985
Пир тишины. <i>Перевод А. Базилевского</i>	987
Сараево. <i>Перевод А. Базилевского</i>	987
Владислав и смерть. <i>Перевод А. Базилевского</i>	989
Перепутанный человек. <i>Перевод А. Базилевского</i>	989
Дневник печального образа. <i>Перевод А. Базилевского</i>	991
Чёрная сказка. <i>Перевод А. Базилевского</i>	993
Длинные письма. <i>Перевод А. Базилевского</i>	995
Каакемеган. <i>Перевод А. Голова</i>	995
На вершине Дурмитора. <i>Перевод А. Голова</i>	997
Человек из пепла. <i>Перевод А. Базилевского</i>	999
Прощайте, террористы! <i>Перевод А. Голова</i>	1001
Всеосень. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1003
Чужестранец. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1005
Встревоженный человек. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1007

Райко Петров-Ного

Мгла. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1013
Твоё дело — шагать. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1013
«Опять скрутила старая болячка...» <i>Перевод А. Шарановой</i>	1013
Стихи о смерти. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1015
Возвращение. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1015
Немая вечность. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1015
Хлеб и соль. <i>Перевод А. Голова</i>	1017
Тайные знаки. <i>Перевод Б. Романова</i>	1017
«Ночь, улица, пустырь или психушка...» <i>Перевод А. Голова</i>	1019
*Ничего не могут зимы. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1019
То чёрное беззаконие. <i>Перевод Б. Романова</i>	1019
И всё-таки всё напрасно. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1021
Пшеница спелая сказка. <i>Перевод Б. Романова</i>	1023
Всю ночь я ждал Твоих деяний. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1023
*Баллада о крапиве [Фрагмент]. <i>Перевод А. Базилевского</i> 3 «Из стены бузина из подвала крапива...»	1023
Боже пусть снегом заносит. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1023
Под первым дождём. <i>Перевод А. Голова</i>	1025
Эпитафия для М. С. <i>Перевод Д. Федосова</i>	1025
*Потоп. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1027
Откровение. <i>Перевод Б. Романова</i>	1027
Карма. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1029
Человек поёт после войны. <i>Перевод Б. Романова</i>	1029
*У наметённых сугробов. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1029
*Слёзная молитва. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1031
*Житейское море. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1031
*На Калемегдане. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1031
Колыбельная и побудка. <i>Перевод А. Скопина</i>	1033
*Пока снежинки летят. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1033
*Выздоровление. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1035
*Когда обо мне ты спросишь. <i>Перевод А. Базилевского</i>	1035

Научное издание

*Утверждено к печати Учёным советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН*

СРБИНС ПОЭТЫ XX ВЕКА

Комментированная антология

Редактор-составитель — *Андрей Борисович Базилевский*

Выпускающий редактор издательства «Этерна» *Н. В. Комарова*
Редактор-корректор издательства «Вахазар» *В. Буклия*
Художественное оформление: *М. А. Базилевский*
Корректор *О. В. Круподер*

Подписано в печать 24.09.2011 г.
Формат 60×100/16. Гарнитура «Warnock Pro».
Усл. печ. л. 69,0. Тираж 1000 экз.
Заказ

ООО Издательство «Этерна»
115477, Москва, ул. Кантемировская, 59а
Тел. (8-495) 324 41 15; факс (8-495) 577 81 23
Эл. почта: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru